

The illustration depicts a soldier in camouflage gear crouching in a desolate, war-torn landscape. He is holding a rifle and looking towards a supernatural phenomenon in the sky. A military vehicle is shown flying through the air, surrounded by intense purple and blue energy bolts and a large, glowing eye-like structure. The background features bare trees and a dark, stormy sky with lightning.

Александр Тихонов

**[СТРАЖИ АРМАДЫ]
ОХОТА НА ЗВЕРЯ**

Апокалипсис-СТ

Александр Тихонов

Стражи Армады. Охота на зверя

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тихонов А. А.

Стражи Армады. Охота на зверя / А. А. Тихонов — «АСТ»,
2016 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-100076-9

Случайности не случайны, особенно в аномальных землях, где судьбы людей переплетаются так сильно, что порой хочется воскликнуть: «Это всё Зона!..» Военный сталкер Александр Журавлёв и загадочная личность Макс Зверев по прозвищу Зверь – единственные, кто знает тайну легендарного «Скорбящего Камня» – аномалии, которая, по преданию, способна даровать исцеление от любой болезни и даже бессмертие. Но легенды лгут. Тайные общества и секты, военные и сталкеры – все хотят отыскать «Камень», а чтобы это сделать, нужно найти неуловимого Зверя. И тогда на него открывается охота...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100076-9

© Тихонов А. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая. Скорбящий камень	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	33
Часть вторая. Охотники и жертвы	45
Глава 1	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Тихонов

Стражи Армады. Охота на зверя

© Тихонов А., 2016

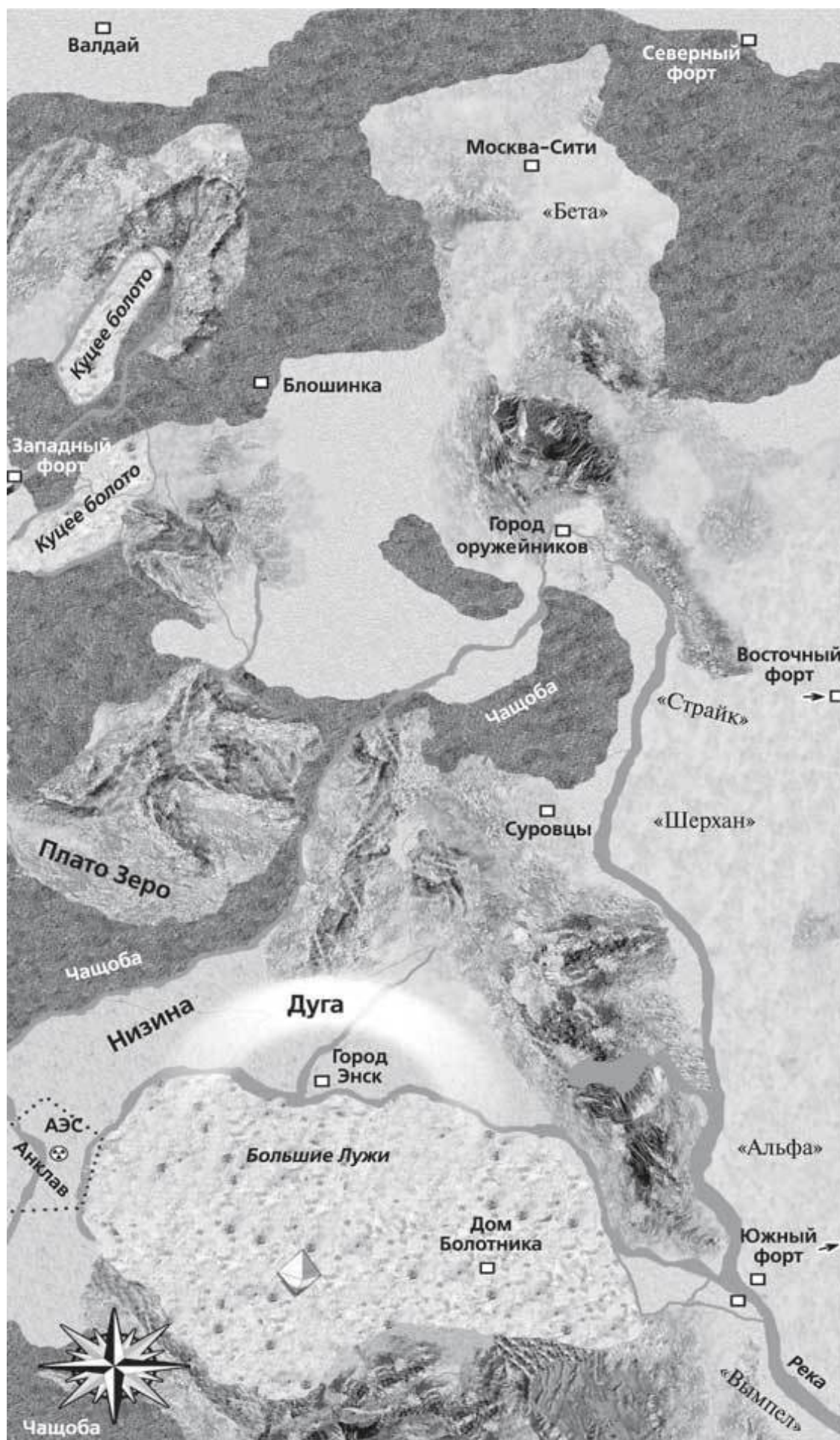
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

– Как вы думаете, пастор, чего больше в человеке – человека или животного?

– Я думаю, что того и другого в человеке поровну.

Юлиан Семенов. «Семнадцать мгновений весны»

Часть первая. Скорбящий камень

Глава 1

Зона. Окрестности Озера

- Осторожней! – я придержал ученого за локоть.
- Благодарю вас, Александр. Скользко тут... – профессор Шилов неопределенно мотнул головой.
- Тут ещё и аномалии кругом, – предупредил я его, – так что идите след в след.
- Разумеется. – Шилов засеменил за мной, но вновь поскользнулся, проехался на пятой точке по глинистому склону и через полминуты уже лежал внизу, измазанный с ног до головы.
- Отличная маскировка, профессор, – прошипел я в переговорное устройство. – Ваш комбез по цвету теперь не отличить от помёта мутанта.
- Простите, Александр, – слабо пискнул в ответ Шилов, – но, может, вы, наконец, спуститесь и поможете мне встать?
- Я присел на корточки, аккуратно съехал с холма.
- Ничего не сломали?
- Н-нет...
- Как там ум, честь и совесть?
- Как у куска помёта, – буркнул ученый, видимо, близко к сердцу принявший мою язвительную реплику.
- Значит, в норме, – я кивнул и слабо улыбнулся. – Просил ведь вас идти след в след. Вот так оступитесь, и потом придётся ваш пепел в рюкзак собирать или наблюдать, как вместо научного сотрудника в аномалии пляшет артефакт.
- Я всё понимаю, Александр, – профессор кивнул, – но и вы меня поймите – я не привык работать в таких условиях.
- А для меня это идеальная обстановка: холод, грязь, нудящий ученый под рукой.
- Я имел в виду не полевые условия, а спешку, с которой нам придется проводить исследования.
- Поверьте, в данном случае спешка необходима не меньше, чем при ловле блох...
- Да, конечно, – Шилов с укором посмотрел на меня, ожидая, что я вновь попытаюсь съязвить, но умолк, так и не услышав продолжения расхожей фразы.
- Ну, вот и славно. Не хватало мне ещё потом отчёты начальству строчить, мол, «прошу меня покорнейше простить за ту дерзость, кою я имел неосторожность проявить в адрес глубокоуважаемого научного сотрудника». Тьфу ты! А ведь этот «глубокоуважаемый» может на меня телегу в штаб Объединенной группировки Рубежа накатать. Распишет, как офицер его оскорблял, унижал и вообще пытался спасти.
- Пошевеливайтесь, – буркнул я и щёлкнул по дисплею смартфона.
- Тот завибрировал, выдавая сигнал о низком заряде батареи. Просто славно, нет, даже замечательно!

Шилов вновь с укоризной глянул на меня. Видимо, заинтересовался, почему это его проводник забывает зарядить батарею коммуникатора, отчего гаджет голодно урчит. Ну да пусть поломаёт голову светилу науки, мысленно сетуя на нелогичность действий своего спутника. Понимают и принимают причуды Зоны с безысходностью висельников лишь охочие до артефактов сталкеры. Они-то давно уяснили, что разобраться в выкрутасах аномальной территории не представляется возможным, а понять нужно лишь то основное, что поможет выжить.

Сталкеры – народ изобретательный и суеверный. Постепенно одни феномены Зоны они начали использовать с выгодой для себя, а в другие просто верить.

Ещё в мою бытность сталкером бродяга по прозвищу Скворец заметил странность: когда батарея смартфона на последнем издыхании, она начинает заряжаться вблизи практически любых аномалий, будто бы от электросети. О своём открытии Скворец поведал напарнику, тот поделился информацией в баре, и через неделю в сети гуляла новость о весьма оригинальном способе обнаружения «сюрпризов» Зоны. Уже потом придумали острые на язык трепачи, что, дескать, Скворец обнаружил сей феномен, когда раненый, оставленный умирать, полз без оружия через аномальные поля. Вот тогда-то и случилось чудо – потухший экран смартфона замерцал, мини-компьютер пискнул, и в местную сеть ушел призыв о помощи, а сам Скворец пополз дальше, с помощью коммуникатора определяя границы смертоносной территории. Зона даровала спасение? Кто знает, быть может, так оно и было на самом деле...

– Куда?! Тут аномалии кругом! – гаркнул я, чтобы ученый не расслаблялся, и улыбнулся собственному способу держать рьяного исследователя в узде.

Перспектива весь день таскаться по грязи с научным сотрудником засекреченного НИИ меня не прельщала. Именно поэтому за сутки до отправки на задание я снарядил двоих ребят «прогуляться» вдоль автострады, пересекающей этот район Зоны. Они нанесли на электронную карту все постоянные аномалии. Уже вечером, накануне отправки группы, я имел представление, что ждёт нас впереди.

– До места не доедете, – докладывал Юровский, – дом в низине. Так что придётся немного пройти пешком. Аномалии нанёс на карту. Там несколько сосен растут, так я под самой высокой сделал закладку. Две гранаты. Это на всякий пожарный...

Когда ученый был готов к выходу, я озадачил его тем, что сообщил: «Никуда мы не пойдем».

– Как это понимать, Александр?!

Вот это «Александр» меня больше всего и бесило. Ну сколько раз можно повторять: мое звание – капитан! И кроме как «товарищ капитан» ко мне обращаться не следует. Или это издёвка, чтобы я уразумел, мол, форма и звание – это всё преходящее, а в душе капитан Александр Журавлёв так и останется навсегда сталкером по прозвищу Жура? Чёрт его знает, этого толстолобика.

– Как это понимать, Александр?! – повторился он, когда не дождался моего ответа.

Решил, видимо, что я пошел на попятную, как Коля Демьяненко, который наотрез отказался вести ученого в самую жо... В общем, в самую нехорошую местность.

– Мы не пойдем, – отозвался я, специально затягивая паузу непонимания. – Мы поедем на машине.

– А как же аномалии, Александр? – мне показалось или и впрямь собеседник это выдал с облегчением?

Честное слово, так хотелось врезать служителю науки, что кулаки сжались сами собой.

– Аномалии ребята вчера обозначили. Блуждающих в этом районе нет. Так что можно смело ехать.

– Это даже хорошо – раньше будем на месте, Александр.

Ну да, хренов оптимист, раньше... И чего он после каждой фразы так приторно-вежливо добавляет: «Александр»? «Я пошел в Зону, Александр, чтобы найти «Камень», Александр...» И как это с ним люди общаются? Я, того и гляди, взвою от этого зануды.

Как бы то ни было, идея с поездкой моим бойцам понравилась. Отряд из бывших сталкеров я набирал лично, поэтому интересы, взгляды на жизнь и вредные привычки у них были точно такие же, как у меня самого. Соответственно, и отношение к собственной безопасности у нас совпадало – понапрасну подставляться, играя в героев, никто не хотел.

Все вместе, а нас пять человек, не считая балласта – многоуважаемого и «многоматюгаемого» профессора Шилова, погрузились на Рубеже в «Тигр» и без происшествий добрались до контрольной точки. Вместо пяти часов ползания в грязи – двадцать минут езды на неудержимом броневике. Именно тогда Зона решила, что хватит с нас увеселительных прогулок. Чёрт возьми, я опять говорю как помещанный на мистике недоумок! Но ведь Зона и вправду подкинула нам подлянку – когда мы с Шилковым двинулись к цели, за нашими спинами вспыхнуло голубоватое пламя аномалий. Коварная хозяйка пропустила и захлопнула мышеловку... Недоумевающе смотрели с противоположной стороны аномальной стены бойцы, метался из стороны в сторону Шилков.

– Что случилось, Александр?! – вопил он в гарнитуру переговорника, пока, наконец, я не схватил его за плечо, останавливая.

Чёрный Сталкер говаривал, что безвыходных ситуаций не существует, и я поверил легендарному оптимисту. Объявил отряду, что нам с Шилковым негоже оставаться на открытой местности, а потому придётся идти. Без прикрытия. Ребята, конечно, хотели проскочить, но я, не желая терять время, приказал им оставаться на месте, аккуратно искать путь меж аномалий или в обход... С того времени прошел час.

– Александр, а как вы смотрите на то, чтобы на обратном пути заглянуть на старую фабрику, которая возле Озера?

Ученый с мольбой глядел на меня.

– Никак я на эту мутотень не смотрю и смотреть не собираюсь. Бывал там пару раз, но радиация зашкаливает, счётчик Гейгера верещит как припадочный. Да и упыри или, как вы их называете, мимикримы там частенько появляются, а столкнуться с этими тварями я бы не хотел.

– Жалко.

– Жалко у пчёлки. На попке.

Шилков моей ответной реплики, видимо, не услышал. Он вновь выбежал на тропу, и я дернул его за лямки рюкзака:

– Профессор, любить вашу душу! Ну что вы лезете всё время вперёд бабки в пекло?! Как будто и правда шило в заднице – нет от вас покоя...

– Простите, Александр. Полевые работы всегда вызывают у меня прилив сил, и хочется исследовать, творить...

– Так сотворите пару минут тишины и спокойствия, ради бога!

– Я могу молчать, – Шилков смешно мотнул головой, будто кто-то отвесил ему подзатыльник.

– Вот и молчите.

Ожил переговорник:

– Командир, говорит Клапан. У нас тут «язвенники». Пошумим чуток, а то эти черти осмелели. Не пугайтесь.

– Делайте, – только и выдохнул я, – но и про нас не забывайте. Без прикрытия спине зябко.

– Понял вас, командир. Минут через пятнадцать будем выдвигаться следом за вами.

Я глубоко вздохнул, осматривая местность.

– Действуйте, ребята. Конец связи.

Тумана в низинах близ Озера сейчас не было, и я мог без оптики окидывать взглядом обширный котлован, неизвестно для чего вырытый километрах в трёх справа от заболоченного водоёма. Скорее всего, взрывали что-то под землёй, и грунт просел. А может, подземные реки вымыли полости.

– А кто такие «язвенники»? – прервал мои размышления Шилов и, когда я внезапно остановился, пытаюсь осмыслить его вопрос, чуть было не ткнулся лицом в висящий у меня за спиной рюкзак.

– Что?

– Ну, вы упомянули «язвенников», Александр.

– Это мы так зомби называем.

– А почему?

– По кочану и кулаком по печени! Вы ведь обещали молчать.

– Да, разумеется. Просто у меня тоже язва, и я подумал...

Вот точно сорвусь и влеплю светилу науки с левой, от души... что зубы посыплются. Язва у него, видите ли!

– У зомби от человечины изжога, – произнес я и усмехнулся, вспомнив анекдот, с которого началось именование их «язвенниками».

– Александр, а откуда вам это известно?

Господи, дай мне сил вытерпеть эту пытку идиотизмом!

– Это шутка такая. Вы ведь знаете, как становятся зомби?

– Разумеется, – кивнул тот. – Необратимые изменения головного мозга, приводящие к доминированию одних участков нейронной сети над другими. Вызывается длительным воздействием на человеческий мозг аномалий, вроде «звонка».

Выпалив всё это скороговоркой, профессор уставился на меня, надеясь, что вот сейчас-то я и объясню ему всё.

– Они человечину едят.

– Да, – Шилов закивал, – подсознательные стре...

– ...А ещё они едят всякую падаль, – прервал я разглагольствования ученого, – и поэтому у них изжога! Шутка такая. Сталкеры так шутят!

– Ясно, Александр, – он глубоко вздохнул, поправил сползшую респираторную маску.

– Профессор, вы по сторонам глядите и не зевайте. Тут Зона, а она не любит тех, кто не воспринимает её всерьёз.

– Вы говорите так, будто Зона – живой организм, Александр. Суеверны, как сталкер.

– Суеверен, как человек, который за вас головой отвечает. Я материалист, профессор, но проведи вы в Зоне с мое, устои вашего мировоззрения пошатнутся... Правило не возвращаться по своим следам – тому пример. Есть и другое глупое суеверие – к рукоятки ножа нужно привязывать кусок черной ткани. Откуда такая традиция пошла – неизвестно, но ей следуют многие сталкеры. Может, они думают, что в таком случае Зона их хранит, а может, это символизирует что-то ещё. Не знаю точно. Но я носил, ношу и буду носить на ноже обрывок траурной тряпки. Не потому, что верю или не верю, – просто для успокоения. А спасает ли это от мутантов и аномалий, мне неинтересно. Живу и не забиваю себе мозги мыслями о чудесах. Увижу – поверю, а не увижу – нафиг мне это не нужно.

Я умолк, удивляясь собственному многословию. Со стороны «Тигра» донесся сухой стрёкот автоматов. Услышав это, Шилов принялся крутить головой, пытаюсь хоть что-то разглядеть в тумане.

– Значит, вы готовы поверить в чудо, только если узрите его. Так, Александр?

– Так, – я вздохнул. – Вот если увижу предмет нашего с вами поиска, то поверю, что «Камень» существует.

– Он существует, – Шилов утвердительно моргнул. – Есть множество свидетельств сталкеров...

Я слабо улыбнулся наивности профессора. Ещё две недели назад в научном лагере на окраине Надеждинска появился сталкер по прозвищу Тарантул. Невысокого роста, худощавый, с цепким, ледяным взглядом. Сообщил, что у него имеется важная информация, и после

недолгого разговора с начальником охраны был препровождён в основной корпус, где имел обстоятельную беседу с учёными. Потом все засуетились. Связались с руководством Рубежа, и по решению командования в лагерь были переброшены три подразделения военных сталкеров.

Когда появилась Зона, власти создали международную организацию, под юрисдикцию которой отдали аномальную территорию и близлежащие земли. Названная Рубежом в честь охранного периметра структура включала в себя воинские подразделения, множество научных институтов, как существовавших ранее, так и новообразованных, и пять центров специальной подготовки, в которых муштровали будущих военных сталкеров. В одном из таких лагерей на окраине Надеждинска нас и застал приказ командования. По прибытии сообщили, что нужны мы учёным в качестве опытных проводников.

Как позже объяснил один весомый начальник, сталкер Тарантул обнаружил в подвале неприметного здания в Зоне некий объект, именуемый в народе просто – «Камень». Что это – аномалия или игры воспаленного воображения, – ученые не знали. Требовалось, чтобы назначенная группа, опытная и малочисленная, дабы не привлекать лишнего внимания, проникла внутрь и подтвердила или опровергла наличие там этого странного «Камня».

О феномене заговорили давно. Когда я впервые попал в Зону, легенда о «Скорбящем Камне» уже переходила из уст в уста. Рассказывали, будто существует загадочный дом, в котором находится это нечто, а с него, стекая, загустевает смола, превращаясь в артефакты «слёзы камня». Они, по легенде, много всего могли сделать – от излечения любых болезней до неуязвимости. В зависимости от того, кто брался рассказывать. И каждый уверял, что знает сталкера, чей приятель нашел «Камень» и с тех пор стал везучим, как сам дьявол. Но ведь легенды не возникают на пустом месте, верно?

В рейд отправили отряд капитана Валерьянова, известного в среде местных под кличкой Вальтер. Его люди дошли до места, благо мутантов в том районе попадалось мало, засвидетельствовали наличие огромной каменной глыбы в подвале двухэтажного панельного здания, после чего связь с ними прервалась. Несколько часов спустя на одном из блокпостов часовые убили двух зомби, которые, судя по жетонам, принадлежали к пропавшей группе Вальтера. Нам об этом сообщили лишь через двое суток, когда ещё три «язвенника» вышли к Рубежу, где были расстреляны. Среди зомби оказался и командир отряда – Валерий Валерьянов.

Ещё через сутки начальник лагеря собрал нас в конференц-зале и сообщил, что для детального изучения «Камня» в Зону отправляется профессор Шилов, специализирующийся на аномальных образованиях. Для его охраны была нужна группа спецов – одна из двух имеющихся. Командир смежного подразделения – Николай Демьяненко по прозвищу Демьян – отказался сразу, аргументируя это тем, что пока не выяснилось, отчего погибла группа Вальтера, он не позволит подвергать опасности своих бойцов.

– Может, эта глыба им мозги выжгла! Вы об этом подумали?

– Но ведь Тарантулу не выжгла, – парировал его реплику начлагеря.

– Я не стану посылать своих людей навстречу неизвестности! Хоть под трибунал меня отдавайте, – категорично отозвался Демьяненко и ни на какие уговоры не шел.

Я понимал – если откажусь вести группу, ребят всё равно отправят в Зону, назначив главным какого-нибудь из более-менее опытных парней – Клапана, например. Заместитель командира группы, конечно, хорош, но он командный игрок... Выбора не осталось – в Зону предстояло отправиться моему отряду. В противном случае руководство могло припомнить старые грешки и вытащить их наружу. Тогда уж точно пострадали бы все...

– А вот и он, Александр, – ученый указал на двухэтажку, расположенную по другую сторону низины. – «Камень» там.

– Посмотрим, посмотрим... – я перевел взгляд на черные провалы окон.

Нехорошее место. Вроде бы тихо здесь, и всё же нет моей интуиции покоя. Слишком идиллично – ненастоящая, хищная тишина.

– Что-то не так, Александр? – заметив моё замешательство, спросил Шилов.

– Пока не знаю.

Я извлёк из кармана компактный монокуляр – подарок покойного Вальтера, внимательно осмотрел низину, затем проверил прилегающую территорию с помощью датчика жизненных форм. Выяснилось, что все «язвенники» сейчас далеко от предполагаемого местонахождения «Камня». Клапан с ребятами поработали на славу – вся нечисть, обитающая в районе Озера, потянулась в их сторону.

Я мысленно представил, как здорово сработала бы моя группа. Один из бойцов, скорее всего Клюв, залёг бы за валунами справа. Бакс – слева. А уж потом мы с Шиловым двинулись бы... Если бы да кабы... Нет у меня в наличии группы прикрытия, и ничего с этим не поделаешь.

– Профессор, шуруйте перебежками к во-о-он тому кусту. Там падайте на брюхо и ждите меня. Как только будете на точке, доставайте детектор и проверяйте, нет ли поблизости аномалий. Поняли?

Шилов кивнул.

– Тогда бегом марш!

Учёный как заправский спринтер рванул к указанному месту, но метров через пятьдесят выдохся, остановился поправить респиратор, и тут же в гарнитуре переговорника послышалось:

– Ой, мамочки... Это рука. Александр, взгляните-ка, тут человеческая рука лежит! Меня стошнит, стошнит! Александр, я могу ненадолго снять маску?

– Маску не снимать! – приказал я. – Иду к вам.

Бредовости ситуации позавидовал бы сценарист тупого трэша – на открытой местности перед зданием, в котором могут прятаться мутанты или, что гораздо хуже, вооруженные люди, стоит человек в заметном издала оранжевом комбезе и что-то бурчит себе под нос. Оставалось надеяться, что за нами не следит сейчас изумлённый нелепостью происходящего снайпер.

На то, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее меня от учёного, ушло не больше минуты, и уже вскоре я повалил Шилова на траву.

– Замерите, профессор!

Мой взгляд заметался по чёрным провалам окон. Никто по нам не стрелял.

– Ой, простите... Я не укрылся, да? – непонимающе поинтересовался Шилов. Я нервно выдохнул. – Простите, растерялся...

– Если бы там, – указал я в сторону здания, – был человек с оружием, вас бы застрелили!

Шилов опять кивнул. Баран! Что за привычка – по поводу и без него постоянно кивать?

– Ну, что у вас?

Профессор отполз в сторону и ткнул указательным пальцем под куст:

– Вот.

Напоминал он при этом ребёнка, пытающегося показать родителям нечто интересное. Большой карапуз в оранжевом комбинезоне... А в траве лежала человеческая рука.

– Кто-то слишком много рукоблудил...

– Не шутите так, Александр! Это может быть частью тела кого-то из пропавших сталкеров.

– Вы хотели сказать – военсталов?

– Да, Александр, именно это я и хотел сказать.

Шилов решительно двинулся вперёд, но я остановил его:

– Не приближаться!

Профессор недовольно фыркнул, отчего в гарнитуре противно зашипело. Пришлось объяснять ситуацию:

– Если это рука одного из военных, почему она не разлагается?

– Обескровливание может...

– Это не обескровливание!

– А что это, по-вашему, Александр? – с вызовом воскликнул Шилов.

– Аномалия.

– Но датчик молчит и... У вас точно последняя прошивка детектора, Александр?

– А вы думаете, все аномалии можно распознать с помощью электронных устройств?

– Нет, но... С чего вы вообще взяли, что это аномалия, Александр?

– Представьте себе, профессор, что перед вами обжаренная куриная ножка. От неё веет аппетитным паром, на тарелку стекает жир...

– У меня язва, Александр, – совершенно не понял ход моих мыслей Шилов.

– Да, ё-моё! Рука, профессор, – собрав в кулак остатки терпения, начал я, – для мутантов – как ароматная курятина для здорового человека. Понятно? И не кивайте вы так часто, а то гарнитура слетит. Вопрос в том, почему мутанты не добрались до деликатеса.

– Потому, что деликатес... лежит в аномалии! – победно воздел руки к безжизненному небу источник всех моих бед.

– Именно, – бросил я опасливый взгляд на здание: привет, снайпер, это мы – идиоты...

– Как же я сразу не догадался-то? – сокрушенно заворчал Шилов, пока я безуспешно пытался обнаружить детектором аномалии.

Тщетно. Ложбинка с растущим в ней кустом была девственно чиста – датчик не регистрировал никаких отклонений, а уровень радиации хоть и превышал норму, оставался для Зоны вполне себе среднестатистическим.

– А вы знаете, Александр, что мутанты могут чувствовать аномалии и обходить их? К примеру, химера видит энергетические возмущения. Благодаря особой структуре своего глаза, это суще...

– Заткнитесь, профессор! – процедил я.

Учёный тут же замолчал, но лишь на несколько секунд, а потом затараторил снова:

– Давайте пойдём дальше, Александр. Не стоит тут задерживаться.

Я не ответил. Расстегнув клапан рюкзака, достал оттуда увесистый болт с примотанным к нему куском бинта и зашвырнул под куст. Ничего не случилось. Не вонзились в металлический предмет сотни голубоватых молний, не вспыхнуло яркое пламя. Аномалия, если она и была, никак себя не выдавала.

– Затаилась, сволочь, – произнёс я чуть слышно и обернулся к учёному. – Если это новая аномалия, профессор, я хочу знать, что она собой представляет и как её можно обнаружить. Не хочу после следующего Выброса вляпаться в такую же мерзость. Хотя, может, там вообще нет аномалии.

– А у вас есть другие варианты, почему рука всё ещё цела, Александр? – Шилов словно издевался надо мной.

Казалось, сейчас вечно извиняющимся тоном он скажет: «Неудачник ты, Жура, и сталкер из тебя, как из меня балерина».

Но «яйцеголовый» молча смотрел на место расположения предполагаемой аномалии.

– Если ничего не видно, ещё не значит, что ничего нет. Так вроде говорил один из ваших... военсталов, – наконец примирительно произнёс учёный.

Всё вокруг – одна сплошная аномалия, – внезапно понял я, словно в мою голову, как монету в свинью-копилку, вложили эту мысль. Вся низина – аномалия!

Понуднее перехватив автомат, я рванул в сторону ближайших построек. На ходу прокричал в гарнитуру переговорника:

– За мной!

Бегом, через пустырь к панельной двухэтажке. Там могут быть снайперы? Плевать! Главное – добежать, главное – не увязнуть в аномалии.

Шилов ещё несколько секунд непонимающе глядел мне вслед.

– За мной, олень! Бегом!

И профессор сорвался с места. Но я уже не видел этих его метаний. Орал не для того, чтобы подстегнуть тормозного попутчика, а чтобы самому бежать на пределе возможного.

Нужно лишь добраться до противоположного, более пологого склона, и мы спасены. Но успеем ли? Вот уже наливаются свинцом ноги. Каждый шаг даётся труднее предыдущего, каждый вздох – со свистом. Мне даже показалось, будто неведомая сила тянет за рюкзак, требует остаться. Сколько времени мы пробыли в зоне действия неизвестной гадины? Сколько энергии успел высосать из нас невидимый хищник, какой срок отмерил самонадеянным homo?

Я не вбежал – влетел на склон, покидая злополучный котлован. Когда аномалия осталась позади, мне показалось, что давление на рюкзак пропало. Упал на траву, со свистом втянул воздух, и по носоглотке словно провели наждаком.

Живой, живой! Я выбрался! Преодолею всё!

Перевернувшись на бок, увидел, что учёный лежит на траве рядом со мной, сорвав с лица респиратор, и жадно вдыхает ядовитый воздух.

– Наденьте мас-кху-кху-кху...

– Александр, вам плохо?

– Маску! – я приподнялся, оглядывая низину, из которой мы только что выбрались. – Наденьте маску от греха подальше!

– Что произошло, Александр? Вы догадались, что это за аномалия под кустом была?

– Если бы только под кустом, профессор. Это всё, – обвёл я широким жестом низину, – и есть аномалия.

– Такая большая? – срывающимся на свист голосом спросил профессор.

– А у вас есть другие варианты? – передразнивая учёного, отозвался я. – Ни одного мутанта, чтоб их! Я-то думал, это Клапан пошумел и вся нечисть к нему сбелась. Ан нет! «Язвенники» просто вокруг аномалии ходят. Вокруг огромной чёртовой аномалии! Не могли возле Озера подземелья рыть, чтобы так земля просела. Не могли водоотводные каналы копать. Вся эта низина – аномалия. Грунт просел там, где эта мерзость угнездилась!

– Не бывает таких больших аномалий, Александр, – недоверчиво выдал Шилов, дослушав мои рваные реплики.

– Ага, не бывает. Уж не потому ли, профессор, что их никто не видел? Хотя я и сам знаю о постоянных изменениях в Зоне большей частью по сплетням, но ведь в каждой сказке, как говорится...

Учёный молчал. Взгляд его вдруг снова сделался грустным и виноватым.

– В любом случае нам повезло, – констатировал я, оглядывая низину. – Кто знает, сколько времени нужно там пробыть, чтобы человека разметало на атомы? Мы успели выбраться, а Валерка Вальтер, наверное, слишком долго пробыл здесь. Такая вот подлянка, профессор, на коврике перед дверью к «Камню».

Глава 2

Панельная двухэтажка глядела на нас чёрными глазницами окон, щерилась прямоугольниками дверей. Протяжным скрипом отозвались на касание рук ржавые петли, ринулись врассыпную худые, облезлые крысы.

– Вэлкам! – я указал Шилову на мрачную утробу здания. – Шагайте первым, ваше благородие.

Учёный хотел было что-то сказать в ответ, но лишь махнул рукой и вошел в помещение. Внутри оказалось не так темно, как мне думалось, – дневной свет, проникающий через выбитые окна, прекрасно освещал просторный холл и робко заглядывал в рукава коридоров.

Симпатично, блин! А зайди чуть подальше, и будет темнота, хоть глаз выколи. Хорошо ещё, что мы захватили с собой ПНВ, а то ведь с фонарями много по коридорам не побегаешь. Мутантов в здании и непосредственной близости от него датчик не обнаружил, но кто знает, какая тварь может прятаться в закоулках. Вспоминая коварную низину, прибору уже перестало доверять... Разозлишь лучом яркого света, а зверина осерчает и слопаёт.

– Фонарь не включать! – скомандовал я. – «Ночник» у вас в шлеме, кнопка активации справа. И не орите. У вас в ухе переговорная гарнитура. Шепните – и я услышу. Вопить не обязательно.

– Вы боитесь спугнуть крыс, Александр? – хихикнул Шилов, но тут же смолк, увидев разбросанные по полу кости.

– Это не человеческие, – успокоил я его, – собачьи.

– Я не антрополог, Александр, и не биолог. Я физик!

– А я томат! Да понял я, понял, что вы не биолог. Поэтому и уточнил, чтобы вы не напридумывали себе невесть чего. Кости собачьи, но это всё же кости...

– И не поспоришь, – буркнул себе под нос учёный, но я всё же расслышал.

– Профессор, тут может обитать любая тварь. Мимикримы, например, обожают такие сырые, тёмные помещения. Вы видели, как они пьют людей?

Шилов медленно обернулся ко мне, словно боялся пропустить самые важные слова.

– Они обхватывают шею бедолаги щупальцами и через шейные артерии высасывают из жертвы кровь. А иные мутанты и через глаз могут всю жидкость выпить.

– Прекратите! – взвизгнул Шилов.

– Страшно?

– Прекратите! Я ведь пошутил про крыс.

– А я не люблю такие шутки.

– Но сами-то шутите, – парировал Шилов, опасливо озираясь.

– Я не шучу. Я так разговариваю. Шевелите конечностями, профессор, и не включайте фонарь без приказа.

Коридор, уводящий из вестибюля вправо, изгибался через пару десятков метров под прямым углом и там перетекал в более широкий, по обе стороны которого тянулись однотипные двери.

– Почему мы повернули направо, Александр? Был ещё коридор влево, – Шилов явно злился.

Если снаружи он покорно сносил мои едкие замечания, то в замкнутом пространстве учёный стал раздражительным и готов был в любой момент огрызнуться.

– Налево не хожу. – Подумав, я решил больше не испытывать на прочность нервы своего спутника и выложил незамысловатую правду: – Если серьёзно, то... крысы сюда побежали.

– И вы сделали вывод, Александр, что там нет более крупных хищников! – Шилов возликовал.

– Именно, – подтвердил я. – Давайте-ка ещё раз свернём вправо, посмотрим. Что-то мне не нравится здешний запах.

– Да, пахнет скверно, – согласился учёный. – Даже через фильтры чувствуется. И темно.

Он недовольно заворчал, но тут же вновь сконцентрировал своё внимание на тяжелом зловонии, от которого не спасали респираторы.

– Это собаки, да? – с надеждой в голосе спросил он.

– Судя по смраду, тут сдох, как минимум, слон, – отозвался я и шагнул в ответвление коридора, где, предположительно, и находился источник запаха.

Только теперь я включил фонарь, предварительно прикрыв его светофильтром, и охнул.

– А вот и ваши собаки, профессор. И мои слоны заодно...

Шилов, на секунду замешкавшись, шагнул следом, чуть было не налетев на меня, извинился, выглянул из-за моего плеча и тут же повалился на колени, не в силах сдержать рвотные позывы. Сдирая с лица маску, он пытался что-то прохрипеть, но желудок инициативы не поддержал.

Небольшая комната была завалена трупами. Около десятка тел, облаченных в натовский камуфляж, лежало вповалку вдоль стен. Пол – залит кровью и усыпан стреляными гильзами, на стенах многочисленные выбоины от пулевых попаданий.

– Боже! Господи! Боже всемогущий... Это же люди, Александр!

– Это волки.

– Что? – отерев рукавом подбородок, профессор поднял голову, и его воспалённые, слезящиеся глаза блеснули в свете фонаря.

– Санитары леса... Это наёмники, профессор. «Волки», как их любят именовать сталкеры. Хищники Зоны.

– Они мертвы! – учёный поднялся с колен, поправил гарнитуру связи и надел респиратор.

– Да, не повалять им теперь баб, не нажраться уже в хламину...

– Прекратите, Александр! Это ведь покойники, – Шилов всё ещё старался не смотреть на изрубленные свинцом тела, с трудом подавляя приступы тошноты. – Нельзя шутить про мертвецов.

– Даже про Ленина? – выдал я ехидно и тут же добавил: – Ладно, вы правы. Не стоит мне так говорить...

Обрадованный моей разговорчивостью, учёный тут же спросил:

– Что тут могло произойти? Как по-вашему?

– Добычу не поделили, – предположил я. – В Зоне это обычное дело. Нашли какие-нибудь ценные артефакты и решили: чем меньше претендентов, тем лучше. В итоге имеем то, что имеем. Семь, восемь... девять трупов.

– А оружие их где?

– Либо ребята Вальтера снимали, либо Тарантул с компанией. Не пропадать же добру.

– Или выжившие наёмники, – со знанием дела поддакнул профессор.

– Вы думаете, они взводами тут рыскают?

– Но ведь лишними патроны и оружие никогда не... О, господи!

– Не льстите мне, профессор. Я всего лишь скромный военсталкер.

– Да... Да вы не так поняли, Александр... Тут человек!

– Целых девять человек.

– На нём такая же одежда, как и на мне...

– А вы думали, у вашего комбеза индивидуальный дизайн? – я усмехнулся. – Так, стоп! Он не наёмник, что ли?

– Ну, видимо, нет. Подойдите и сами посмотрите, Александр.

Я нехотя побрёл к присевшему на корточки профессору, посветил фонарём на привалившегося к стене мертвеца и присвистнул. Покойник, как и Шилов, был облачён в защитный

комбинезон ядовито-оранжевой расцветки. Единственное отличие от экипировки моего горенапарника состояло в том, что на голове мертвеца был водружен сферический шлем с откинутым забралом.

– Ну? – учёный ткнул меня в плечо.

– Воткну и проверну! Не нукайте мне! Нормально говорите.

– Рука... Взгляните на его руку.

Я внимательно оглядел покойника и брезгливо поморщился. Правая конечность мертвеца отсутствовала до самого локтя, и между обрывками ткани комбинезона белела кость.

– Ага, вот и ослик Иа, который потерял свой хвост.

– Я бы попросил вас... – в голосе Шилова слышалось раздражение.

– Хозяина руки, говорю, нашли. И я, кажется, знаю, зачем её отчекрыжили.

Я указал лучом фонаря в дальний угол, где располагалась массивная металлическая дверь. Рядом с ней, на выступающем из стены табло размещалась небольшая стеклянная панель с кодовым замком.

– Что это?

– Дверь, – тут же выпалил Шилов.

– Дык, понимаю, что не атомная субмарина! Рядом что?

– Сканер отпечатков пальцев.

– Ну вот, – я хмыкнул, – можете ведь нормально соображать, когда захотите. Мы как вошли, я сразу дверь приметил, пока вы там желудок прочищали. Теперь-то всё более-менее проясняется. Видите его глаза, профессор?

– Более того, Александр, я вижу огромное пулевое отверстие у него в черепе, – сдерживая рвотные позывы, просипел Шилов.

– Он – «язвенник».

– Зомби?

– Именно. Уж не знаю, что здесь произошло, но, думаю, этому мужику отрезали руку, чтобы открыть дверь...

– И они вошли внутрь? – с азартом спросил профессор, напрочь позабыв о приступах тошноты и с интересом разглядывая обезображенный труп. – Хотя как они могли туда войти, если датчик распознаёт лишь живую плоть?

Сказав это, учёный замолчал.

– Только живую плоть? – переспросил я его, а сам пытался выстроить примерный сценарий произошедшего: наёмникам нужно было проникнуть в находящееся за дверью помещение. С ними шел учёный. То ли он был «язвенником» с самого начала, то ли стал таковым уже в здании, но руку его отделили однозначно ради открывания двери. Умный датчик, разумеется, не распознал мёртвую плоть, и наёмники расписховались, устроили перестрелку. Логично? Вообще-то не очень. Другое дело, если все головорезы разом сошли с ума... А такое возможно лишь в случае пси-воздействия.

– Да, только живую. В научном лагере на Озере установлены такие же системы. В подземные лаборатории могут попасть только те, кто занесён в базу компьютерной системы, и то лишь после проверки отпечатков пальцев, частоты сердечных сокращений и прочих параметров.

– Чтобы удостовериться, что они не зомби и не мутанты? – догадался я.

– Да, Александр! Наверное, наш «Камень» именно за этой дверью.

– Не думаю, что у Тарантула, нашедшего его, был допуск. Тем более, нам ясно сказали – в подвале. Здание большое, можно поискать вход в другом месте.

Шилова явно расстроило, что его догадка была так легко отмечена, и житейский опыт вкупе с наблюдательностью в мгновение ока затмили все его научные степени и стройную логику рассуждений.

– Да, верно, – чуть виновато произнёс он. – Но, может, потом всё-таки попробуем туда заглянуть?

– Нет, профессор, не попробуем. Наша задача состоит в другом – провести общие замеры. Если «Камень» существует, выбраться отсюда живыми и здоровыми. А если потребуются вскрыть неизвестно куда ведущую дверь, пусть для этого снаряжают отдельную рейдовую группу. У нас на это нет ни времени, ни оборудования, ни прикрытия, если вы не заметили. Да и трупы наталкивают на нехорошие мысли.

– Да, Александр, всё верно, – сокрушенно отозвался Шилов, – просто наличие столь дорогого устройства в непосредственной близости от моей мечты...

Он осёкся.

– Это вы про «Камень» с такой теплотой говорите?

– Ну конечно, Александр. Я ведь когда впервые услышал про него, решил, что это научный прорыв, и я...

– Думаете, «Камень» – это эксперимент?

– Возможно, – уклончиво ответил профессор. – Знаете, военные нам всего не говорят. Они строят какие-то бункеры и лаборатории по всей Зоне и отправляют туда лишь тех, кто прошел через проверку этих... как их...

– Особистов с Рубежа?

– Да, Александр, точно! Поговаривали даже, что именно военные создали Зону в результате неудачного эксперимента с ноосферой. Или удачного... Ведь никогда Россия не была так могущественна раньше! И это всё потому, что у нас есть Зона. Это и проклятье, и оружие!

Я усмехнулся.

– Вы в это не верите, Александр?

– Эти байки в сталкерской среде появились, когда ещё и военсталов не было. Трепались все, кому не лень, мол, среди военных чинов в России, Украине и Белоруссии есть теневое правительство, и оно использует эту самую Зону для влияния в мире. Но это чушь! Гораздо большая чушь, чем «Скорбящий Камень».

– Почему, Александр? – не унимался профессор.

Он семенил следом за мной, и когда я с пистолетом наизготовку входил в очередную тёмную комнату, осматривая через прибор ночного видения бесформенные кучи хлама, боязливо пятился обратно в коридор.

– У нас мало времени, – отвечать на нелепые вопросы я не собирался, – не отставайте.

– Так, может, вы мне дадите пистолет, а сами будете с автоматом? Так мы ускорим поиски, Александр.

– В помещении с автоматом неудобно, – отмахнулся я, – да и пистолет я вам не доверю, уж простите.

– Понимаю, Алекса...

Я остановился как вкопанный, и учёный, идущий следом, уже в который раз за сегодня налетел на меня. Звякнули, соприкасаясь с цевьём моего спецавтомата, металлические детали его обмундирования. Пытаясь отступить, он задел рукой крепления моего ПНВ, и тот, сорвавшись, полетел на бетонный пол. Любить вашу душу! Эхо рассыпало звук бьющихся деталей по мёртвому зданию. Отзываясь на грохот, тьма колыхнулась...

– Простите, Александр, я не...

– Замерли! – шикнул я на него. – Там кто-то есть...

– Где?

– В рифму ответить? Живо назад!

Я шагнул к стене и включил закреплённый под стволом пистолета фонарь. Мог отобрать у Шилова его «ночник», но не стал. Пока приладишь его на свой шлем...

Голубоватый луч метнулся в дальний угол, где коридор резко изгибался, уходя вправо. В полосе света на миг возникла человеческая фигура.

Я нажал на спусковой крючок. Хлопнул придушенный глушителем выстрел.

– Назад! Тут «язвенник»!

Профессор что-то сказал, но мне уже было не до его рассуждений. Мощности фонаря оказалось недостаточно, чтобы осветить весь коридор с чёрными провалами дверных проёмов. Там, в сгустившейся тьме, был враг. Враг, который затаился после моего первого выстрела.

– Включите свой фонарь, профессор, и дайте его мне, – скомандовал я, стягивая с плеча ремень автомата, – а пистолет возьмите. Будете прикрывать меня со спины.

Учёный ловко принял у меня из рук тяжеленный «Грач», выдернул из ременного чехла фонарь, встал со мной спина к спине. И я впервые пожалел, что про себя называл Шилова безмозглым, нерасторопным и постоянно подкалывал его. Теперь же учёный ничего лишнего не говорил, был предельно собран. Быть может, грозящая опасность так преобразила толстолобика, а может, он всегда таким являлся, да я не замечал.

В тёмной кишке коридора что-то зашуршало, и я выругался, понимая, что гарнитура переговорного устройства, так необходимая снаружи, мешает отчётливо слышать эти осторожные шорохи.

– Профессор, вы когда-нибудь бывали в зданиях с такой планировкой?

– Нет, Александр, – срывающимся от страха голосом пролепетал учёный.

– Значит, надо прорываться наружу. Кто знает, сколько «язвенников» тут трётся...

– А «Камень»?! – на миг в голосе Шилова возмущение затмило страх.

– К чёрту «Камень»! Жизнь дороже.

Я повёл фонарём в сторону, выхватывая из темноты испещрённые оспинами пулевых попаданий стены. Луч этого фонаря был куда мощнее, чем подствольного, закреплённого на «Граче», и яркий сноп света без труда добрался до конца коридора, лизнув дальнюю стену. Никого.

– Там кто-то был, – я не столько пытался объяснить ситуацию Шилову, сколько стремился убедить в этом себя.

– Я вам верю, Александр. Мне тоже сейчас показалось, что там кто-то есть.

– Где? – внутри у меня всё похолодело.

– Там, – Шилов указал туда, откуда мы только что пришли.

– Этот коридор идёт по кругу. По всему зданию, – понял я. – «Язвенник» не смог пробиться напрямую и решил нас обойти.

Мою догадку разбил вдребезги звук шагов, раздавшийся сразу с обоих направлений. По коридору с двух сторон к нам кто-то приближался. Причём шли неизвестные без спешки, чеканя шаг по бетонному полу. Шли так, будто знали, что жертвам уже никуда не деться.

– В комнату, живо!

– В какую?

– В любую, любить вашу душу!

Я распахнул ближайшую дверь и вбежал в захламлённое помещение. Следом туда ворвался учёный. Лучи фонарей шарили по пустым столам, освещали раскиданные по углам стулья. Я с грохотом захлопнул тонкую фанерную створку. Дверь, как и все прочие в этом здании, открывалась вовнутрь, что давало нам возможность заблокировать её одним из столов.

– Профессор, надо пододвинуть... – начал было я, но в этот момент снаружи по двери нанесли такой сокрушительный удар, что она слетела с петель, а меня отшвырнуло в сторону.

Фонарь покатился по полу, и вокруг заплясали ломаные тени.

– Это... Это... – профессор указывал на зияющий чернотой проем.

– Светите туда, любить вашу душу!

За ремень подтянул к себе выроненный при падении автомат и обратил «Вал» в сторону опасности. За порогом было темно и тихо.

– Светите, я сказал!

Профессор послушно поднял пистолет. Никого.

– Это был му-му-мутант, Александр? – заикаясь, произнёс он.

– Ага, Му-му! Только понять бы, какой именно Му-му.

Я вскочил на ноги, шагнул к своему фонарю и когда наклонился, чтобы его поднять, мой взгляд скользнул по внешней стороне двери, на тонкой филёнке которой отпечатались борозды от когтей.

– Это точно не «язвенник»...

– А кто?

– А чёрт его знает... Никогда раньше ничего подобного не видел. У упырей и то когти поменьше будут...

– Сначала неизвестная аномалия, теперь неизвестный мутант, – бубнил тем временем Шилов. – Давайте всё же найдём предмет наших чаяний и выберемся отсюда.

– Фига се! Как всё просто... – я усмехнулся. – А тварь, которая ждёт нас снаружи? Скажем этому мутанту: «Извини, брат, нам некогда»?

– А что, если там никого нет?

– Где «там»? У вас в черепной коробке? – зло бросил я, не сводя глаз с провала двери. – Там у вас точно не все дома...

Профессор не обиделся. Впервые за всё время нашего с ним похода он будто бы пропустил мимо ушей мои раздраженно-язвительные реплики.

– Это всё из-за аномалии, через которую мы с вами прошли, Александр. Галлюцинации! С капитаном Валерьяновым наверняка было то же самое. Вы же сами говорили, что если бы мы пробыли в зоне действия чуть дольше, то повторили бы их судьбу. А так – лишь галлюцинациями отделались.

– Не хило нас торкнуло, профессор, если я чуть сам себе голову не расшиб, летая по комнате вместе с дверью!

– Галлюцинации и навязчивые идеи могут быть очень сильны...

– Вот только глюков нам не хватает для полного счастья, – буркнул я, теребя вспотевшей рукой приклад автомата, – Но в коридоре какая-то тварь. Из плоти и крови. И когти такие, что...

Я всё ещё держал дверной проём под прицелом, оглядываясь – что можно использовать для постройки баррикады.

– Давайте рассуждать логически, Александр, – тем временем бубнил профессор, – мы слышали топот людских ног, а видим следы когтей. Это не может быть реальностью.

– Или это Перис Хилтон!

Я прикинул, получится ли сдвинуть с места огромный, до потолка, шкаф, забитый книгами. Если удастся, баррикада будет на зависть. Сможем хоть от слона отгородиться. Посидим в комнате до прихода подкрепления. А уж Клапан вооружит ребят серьёзным калибром и через час-полтора зачистит здание...

А пока нужно сдвинуть шкаф, вон ту тумбу и... Я замер, глядя на сочащийся по периметру мерным желтоватым светом прямоугольник в конце стены. Вторая дверь!

– Профессор, держите вход под прицелом.

Шаг назад. Второй. Третий...

Как мы её только сразу не заметили?.. Чертовщина какая-то... В большинстве комнат, которые проверили, не было ничего подобного, а тут...

Дёрнул на себя тонкую филёнку. Уходящие вниз бетонные ступени слабо освещались люющим из подвала бледным светом.

– Профессор, живо сюда! – гаркнул в гарнитуру. – Я, кажется, нашел вашу мечту. Помогите мне забаррикадировать дверь в коридор, и спустимся.

– Вы же сами сказали, что нужно бежать! – попытался возразить Шилов.

– Куда? В лапы неведомой твари? Давайте подвинем шкаф и полезем в ад, любить вашу душу!

Иногда всё складывается настолько удачно, что диву даешься. Минуту назад ты думал, что выхода нет, паника брала верх. А теперь ситуация выправляется. Не раз я слышал, что в Зоне не бывает совпадений, и если всё идёт одно к одному – значит, так хочет Она. Захотела загнать нас в эту комнату – отправила мутанта погонять бестолковых людишек по коридорам. Захотела указать на подвал... Какой бред! Что я вообще несу?

Прежде чем спускаться по лестнице, вызвал Клапана, обрисовал ситуацию с бегущим по коридорам мутантом. Тот отреагировал не сразу, ответил хрипло, словно только что ворочал каменные глыбы – видать, катания по Зоне измотали моего заместителя вконец.

– Понял, командир, – было слышно, как он говорит кому-то: «Нашли они подвал», – отправляю к вам Клюва и Бакса. Мы уже отыскиали путь между аномалиями, отметили его вешками. Ребята будут возле здания.

– Только пусть идут аккуратнее, есть вероятность, что вся низина – одна сплошная аномалия.

– По-онял, – протянул Клапан, – пятой точкой почуяли?

– Ей самой. Датчики чудят, пусть будут поосторожнее с показаниями приборов.

– Понял. Ребята уже мониторят ситуацию.

Я не хотел, чтобы парни шли в аномалию, точнее, в место ее предполагаемого нахождения, но выбора не было. Нам с Шиловым предстояло забраться в подвал, увидеть его мечту – «Скорбящий Камень» или ничего не увидеть и топать обратно. Учитывая, что по зданию может рыскать мутант, наши шансы на безопасный обратный путь – невелики. А двое автоматчиков, прикрывающие отход, меняли ситуацию. В конце концов, что я так за них переживаю? Даже больше, чем за себя самого. Они для этого и предназначены – прикрывать командира и рисковать жизнями!

Держа винтовку на изготовку, двинулся вниз по лестнице, но не успел преодолеть и половины пути, как замер и выругался. «Камень» был именно там, где и должен был быть по рассказам Тарантула. Он стоял в центре подвального помещения, напоминая огромный кусок сливочного масла, оставленный в жаркий день на солнце. По желтоватым граням медленно скатывались на пол, загустевая, капли непонятной жидкости. Изначально такого же цвета, как и «Камень», по мере затвердевания они приобретали янтарный оттенок. Несколько самых крупных, размером с теннисный мячик, лежали у самой лестницы и пульсировали, излучая ровный оранжевый свет. Сам «Камень» тоже светился, как тусклая луна в ночном небе, – холодно и пугающе.

– Вы видите это?! – ученый заворуженно смотрел на матовую поверхность глыбы.

– Вижу.

– Как он прекрасен! Воистину природа щедра на сюрпризы.

А ещё сорок минут назад считал, что это наука «щедр». Шилов сел на ступеньку, достал из рюкзака детектор и принялся стучать по клавиатуре.

– Это оно? – я переводил взгляд с ученого на поблескивающий камень. – Профессор, это оно?

– Оно, оно... Датчик молчит... ЭМИ ниже нормы... Оно!

Шилов аккуратно извлёк из рюкзака очередной прибор, расправил усики внешней антенны.

– Я до того, как надел погоны, три года был сталкером. Добывал артефакты, резал клыкастых тварей. Много повидал, но это...

– Протуберанец ноосферы, наверное, – голос Шилова дрогнул. – Многие ведь читали Стругацких, играли в игру про Зону... вот ноосфера и материализовала чаянья людей.

Датчик, закрепленный на запястье профессора, заверещал. Он взглянул на мигающий дисплей, покрутил колесико регулировки на странном приборе с антенной и, наконец, изрек:

– Молекулярная структура, согласно показаниям, довольно плотная. Компоненты не определены.

– То есть мы не знаем, из чего эта фиговина состоит и как действует?

– Действует? – ученый прищурился. – Неужели, Александр, вы верите в истории про золотую рыбку и «Скорбящий Камень»? Мне, например, импонирует теория профессора Дугина о ноосферных протуберанцах, проецирующих человеческие настроения, но не выполняющих их желания. Ведь если вдуматься, как может единое информационное поле обработать посыл нейронов отдельного человеческого мозга и материализовать чаяния этого человека? А структура и впрямь странная... Датчик фиксирует соединения на основе кремния... Вот в такие моменты я понимаю, как ничтожны homo, которые нарекли себя sapiens.

– Ага, ничтожны, – я иронично улыбнулся и перевел взгляд на поблёскивающий влажными гранями «Камень». – Раз уж он существует, то...

– Да, да. Поражен не меньше вас! – Шилов снова принялся кивать. – Я пять лет изучал физические особенности аномалий. Пять лет впустую! Мы ведь так и не разобрались, каким образом, например, генерируются электрические заряды внутри «энерго». Если бы «Камень» мог исполнять желания, как в сталкерских легендах...

– И что бы вы загадали, профессор?

– Найти его на пять лет раньше, когда я только прибыл на Рубеж. Найти и всесторонне изучить...

Он встал, спустился с лестницы, шагнул к мерцающему изваянию и протянул ладонь, намереваясь дотронуться до его поверхности.

– Не смейте! – рявкнул я, предостерегая ученого от необдуманных действий.

– А так притягательно... – Шилов глубоко вздохнул.

– Идемте, профессор. Нам нельзя здесь задерживаться. Сейчас ребята прикончат мутанта, и мы сможем выйти. – Развернувшись, я стал подниматься по лестнице. Камень существует, а остальное – не наше дело.

– Нет!

– Профессор, я...

– Не оборачивайтесь, Александр! – за моей спиной щелкнул предохранитель пистолета.

– Какого чёрта?!

– Не оборачивайтесь, – голос ученого сделался мягким, тихим, будто обращался он не к офицеру спецподразделения, а к пятилетнему ребенку.

– Я и не оборачиваюсь. Стою на месте.

Вашу душу! Доигрались...

– Я слишком долго шел к своей мечте, чтобы останавливаться в шаге от её воплощения, – прозвучал его спокойный, но уже с нотками металла, голос.

Глубоко вздохнул. Пальцы левой руки коснулись ребристой рукояти ножа. Меня на мгновение бросило в круговорот мыслей, но баритон Шилова отрезвил, вернул в реальность:

– Я знал, что она будет здесь – мечта всей моей жизни. Мое чудо...

– Вы же сказали, что это лишь проекция человеческих желаний. Разве не так?

– Это было предположением. – Послышался шорох – ученый подошел вплотную к «Камню», не опуская пистолет. – Мне лишь нужно дотронуться до мечты, чтобы всё выяснить.

– Сделайте милость!

Средний и указательный пальцы сжались на черной тряпице, обмотанной вокруг рукояти ножа, и тяжелый «Смерш» приподнялся в ножнах, как раз настолько, чтобы можно было

выхватить его и нанести удар. Удар кому? Полоснуть ножом сотрудника НИИ аномалистики? Нет уж, увольте. Я ещё не выжил из ума, чтобы резать глотки спятившим ученым. Не он первый «слетает с катушек». На моей памяти таких было человек пять. Прикончишь – потом не отпишешься. Особисты с Рубежа и слушать не станут объяснения бывшего сталкера – упекут за убийство и прикроют дело. Главное сейчас – выбить у него из рук пистолет...

– Застывшие шарики смолы... – бурчал Шилов, – Это ведь и есть артефакты – «слёзы камня»!

Я резко прыгнул за бетонную плиту лестничного пролета, где оставалось достаточно места, чтобы укрыться от пуль. Оказавшись в безопасности, за преградой, выдернул из ножен хищно блеснувший клинок.

– Вернуть всё... – не заметив моего манёвра и заворуженно глядя на «Камень», бубнил профессор. – Пять лет...

Я увидел, как Шилов, бросив пистолет, стягивает с рук перчатки, и, выскочив из укрытия, ринулся к нему, но тот уже коснулся обеими ладонями бледно-жёлтой поверхности.

Ничего не произошло. Не было ни грома, ни молний. Лишь растрепанный человек, хлопающий ладонями по огромному светящемуся булыжнику.

– Оказывается, она совсем холодная, – произнёс уже прежним – живым и надрывным голосом Шилов после минутного молчания. – Моя мечта.

– Ваша мечта мертва. Окоченевший труп, а не мечта, – я медленно приблизился. – Когда мы вернёмся в базовый лагерь, буду вынужден доложить руководству о произошедшем здесь инциденте.

Шилов повернул ко мне голову, безразлично кивнул.

– Вы могли меня убить, профессор.

Прошел мимо него, поднял с пола пистолет.

– Я? Нет, что вы... Я лишь хотел осуществить свою мечту. Она была так близко...

Он отпрянул от «Камня» и поглядел на меня. Растерянный, измученный, бледный.

– Идёмте, – я указал на выход. – Разбираться в сути случившегося будем на базе.

– Меня будут судить? – Шилов как-то сразу сгорбился, руки его дрожали. – Просто не знаю, что на меня нашло.

Я уже не слушал его, поднимаясь по лестнице. Ученый семенил следом, что-то бубня.

Тяжелый день. Чертовски тяжелый. Когда тебе в спину нацелен пистолет, ощущение такое, будто в любой момент грянет выстрел. А выстрела всё нет... И это томительное ожидание страшнее всего.

Ну, да ничего. Всё могло быть гораздо хуже. Странное существо, загнавшее нас в нужную комнату, не разодрало, аномалия не превратила в зомби. Можно сказать, легко отделались.

Сейчас ребята входят в здание. Через пару минут они укокошат когтистую тварь и вытащат нас с Шиловым наружу. А затем – в бар.

– ...Не знаю, что со мной, – продолжал гудеть на одной ноте ученый. – Это всё «Камень».

– «Камень»! – я резко остановился.

Мурашки побежали по спине. Всё внутри сжалось и похолодело. «Камень» – вот в чём дело! Он как-то повлиял на Шилова. Он... А что с Шиловым? Где его вечное «Александр»? Почему нет больше прежней учтивости?

– Кто вы? – произнес я чуть слышно.

Ученый замер, удивленно глядя на меня. В свете тактического фонаря его вытянутое лицо казалось искусственной маской. Глаза были мертвыми, затуманенными.

– Кто вы?! – повторил я более настойчиво и навел ствол пистолета на спутника, ловя его голову в ложбинку прицела.

– Моя фамилия... Шилов... – неуверенно произнес ученый и попятился. – Я... я... Что с вами? Что вы такое делаете?

Глаза его округлились. Я не спеша переводил ствол пистолета вслед за спускающимся в подвал человеком.

– Стойте на месте, профессор! Стойте, любить вашу душу! Кто вы?!

Шилов снова шагнул назад, не удержался и сверзился вниз, распластавшись на бетонном полу. Станные приборы, которыми он измерял параметры «Камня», выскочили из раскрывшегося рюкзака и заверещали, разлетевшись в разные углы подвала. Не «Камень» был источником аномальной энергии, а профессор Шилов! Или всё же виной всему странная находка?

Я пытался убедить себя, что профессор в шоке, поэтому ведёт себя так странно, но внутренне понимал, что уже принял решение. Словно кто-то подталкивал меня к такому финалу, заставлял совершить непоправимое.

– Кто вы?! – вновь произнёс я, глядя на приподнявшегося с пола ученого.

– Что с вами такое? – непонимающе выпалил он. – Я вас чем-то обидел, да? Простите, я не хотел напугать вас, просто...

– Снимите маску, профессор, – я шагнул вниз по лестнице. – Хочу видеть ваши глаза!

– Вы не в себе! – поднявшийся было на ноги, Шилов упал на пятую точку, попытался отползти к «Камню», но не успел. Я боялся, что вот сейчас учёный скажет привычное «Александр».

«Давай, – шептал внутренний голос, – ты же уверен, что он – мутант. Смотри, как блестят глаза. Ему нужно всего ничего, чтобы до тебя дотянуться. Стреляй, пока есть возможность. Ну же!»

Пистолет дважды подпрыгнул в моей руке. Пахнуло порохом. Заметалось под сводами подвального помещения испуганное эхо. Профессор скрючился, завопил. С лестницы мне не было видно, как сильно его зацепило, но нечленораздельные хрипы, походившие скорее на утробный звериный рык, убеждали, что ранение не смертельно, а существо в подвале – уже не Шилов.

– Алекса-а-а-ндр... – прохрипело существо. – С вами то же, что было со мно-о-й-й-ю...

На миг в голове мелькнула предательская мысль: «А что, если он прав? Ведь с профессором пять минут назад творилось непонятное».

– Алекса-а-а-а... – вновь захрипел Шилов, но я уже бегом поднимался по ступеням.

Когда оказался наверху, ожила рация:

– Жура, приём! Что там у вас? – раздался в наушнике голос Клапана.

– Профессор застрелился, – произнес я, едва разлепив пересохшие губы.

– Ого. Командир, вы это... Огребёте от особистов по полной программе, когда вернёмся.

– Знаю. У вас что?

– Ребята выдвинулись к вам, ждите. Командование требует подтверждение. Вы обнаружили «Камень»?

Я обернулся, глядя на мечту профессора Шилова, и произнес:

– Здесь пусто. Нет никакого «Камня». Профессор увидел, что его нет, и застрелился.

– Понял вас, Жура. Но нам ведь необходимо доставить тело Шилова в лагерь.

– Это невозможно, – я сдернул с «лифчика» разгрузки две зажигательные гранаты. – В подвале пожар.

– Принято, командир. Выбирайтесь оттуда. Ребята зачистят холл, выходите.

– Как раз этим и собираюсь сейчас заняться.

Глава 3

Обратный путь обычно бывает короче, но не в этот раз. Коридор, петляющий в полутьме пустого здания, казалось, стал длиннее. Ноги отяжелели, в руках поселился нервный тремор. Всякое случалось в Зоне на моей памяти. Я падал в аномалии, встречался с воздействием мутанта-псионика. Однажды, правда, но ведь это факт. А ещё я убивал. Не одного и не двух человек – многим больше. Сталкеры, мародёры, чокнутые фанатики-сектанты – всем досталась своя порция свинца и место в памяти. Общая камера в самой сырой и гулкой её глубине. Я не помнил их лиц. Разве что сопляка-мародёра, который набросился на меня с ножом несколько лет назад и получил пулю точно промеж глаз. Но того я запомнил не из жалости. Просто удивительно точно вошел свинец ему в переносицу. Хлоп – и нет угрозы. Именно так – не как живых людей, а как угрозу для собственной жизни я воспринимал каждого мерзавца, который направлял на меня оружие, бросал гранату – а было и такое, – или кидался с ножом. Хлоп! Хлоп! Добро пожаловать в мою память, сволочь, устраивайся поудобнее.

С Шиловым всё произошло иначе. Не переставая, крутил в уме большую мысль – а что, если это я слетел с катушек и убил невинного? Или всё же спятил он? Или это «Камень» всему виной? Столько «или», что голова пухнет, руки трясутся. Я хотел, чтобы сейчас из тьмы выскочил мутант, набросился на меня – это подтвердило бы, что монстр был реален и я не свихнулся. Но вокруг было темно и тихо. Лишь безродный сквозняк шевелил паутину, мягко ворошил разбросанные по полу бумаги.

Длинный коридор перетекал в просторный холл, из которого несколько часов назад начался наш с Шиловым путь через здание. Его путь к смерти и мой путь к безумию? Возможно...

Недалеко от поворота остановился и направил луч фонаря в комнату, где громоздились тела наёмников. Вон лежит, распластавшись, здоровяк в чёрном жилете разгрузки. Лицо серозелёное, губы синие. Вон мертвец с простреленной насквозь шеей. Выходное отверстие я вижу чётко. Кажется, что свет от фонаря проходит насквозь, тем же путём, что и пуля, оставляя на заляпанной кровью стене желтое пятнышко.

Я замер как вкопанный. Оранжевый костюм... Где он?! Мысль оглушила, как оглушает взрывная волна: нет его там, этого безрукого зомби в комбезе «научников»! Лишь лежит сиротливо шлем, прежде водруженный на простреленную голову.

Я вскинув автомат и обернулся – никого. Нервы, и без того державшиеся на пределе, сдали, лопнули. Я вжал спусковой крючок, и черноту прорезали три желтоватые вспышки. Ещё одна короткая очередь наискось. Не выдержав напряжения, закричал:

– Выходи, сука!

– Ука-ука-ука... – отозвался коридор, и когда я уже решил, что никого там нет, послышались шаги. Те самые размеренные, тяжелые: тук-тук-тук. Валера Вальтер хорошо умел определять по звуку шагов, кто к нему приближается: габариты человека, его потенциальную подвижность. Как – другой вопрос. Наверное, это «тук-тук-тук» было последним, что слышал Вальтер, будучи человеком. А потом...

Я представил, как бойцы Валеры стоят вот здесь, в фойе, освещаемые косыми солнечными лучами, втиснувшись в приоткрытую дверь. Автоматчики держат под прицелом оба коридора, и вдруг: тук-тук-тук.

Вальтер командует покинуть здание, и они идут в аномалию, на смерть.

А если выйду я? Выживу? Смогу пройти через низину обратно к броневику?

Не опуская автомат, прижался к стене, до боли вдавил в ушную раковину тельце наушника:

– Клов, Бакс, приём, где вы? Клапан, приём... Клапан?

А в коридоре всё звучало: тук-тук-тук. Стук прекратился так же внезапно, как и начался, его сменил другой – скрежет металла. Что происходит, понял сразу же – кто-то изнутри отпирал дверь в заваленном трупами помещении. Тяжелый бронированный лист чуть сместился, но упёрся в тела наёмников, и скрежет прекратился.

Нужно было бежать. Прочь от этого странного, страшного места. Но ноги сами тянули туда – к разгадке всех тайн.

Перешагивая через покойников, я двинулся к приоткрытой створке. Она оказалась массивной – толщиной в ладонь. Между дверью и стеной образовалась тонкая чёрная полоска – там настороженно дышала тьма.

Я мог оттащить мертвецов, застопоривших ход створки, но на такое способен лишь безумец. Кому я должен освободить выход? Зачем помогать потенциальному врагу?

Тело в оранжевом комбинезоне пропало. Вывод напрашивался сам собой – мертвец действительно оказался «язвенником». Пока мы с Шиловым бродили здесь, он спал, если это определение применимо к зомби, а теперь проснулся и решил пройти. Какой же бред я порой несу, лишь бы объяснить необъяснимое...

Ствол автомата ткнулся в плащ ОЗК на спине одного из мертвецов. А если он тоже «язвенник»? Если все они – зомби, по непонятной причине не успокоившиеся окончательно? Надавил. Никакой реакции. Ты параноик, Журавлёв... Зомби не могут притворяться мертвецами. Это совершенная нелепость!

– Будь это правдой, – зашептал я себе под нос, – учёные бы уже знали о таких вещах. Разве нет?

Лежащий на полу окровавленный шлем – безмолвный ответ на мой вопрос. И отнюдь не успокаивающий расшатанные нервы.

Странности накладывались одна на другую: «Камень», исчезающие зомби, какой-то непонятный мутант в коридоре, сошедший с ума Шилов, не отвечающие по рации бойцы, таинственная дверь с кодовым замком, неожиданно открывающаяся изнутри... Жура в стране чудес, не иначе! Безумного Шляпника не хватает для полноты картины.

А дверь манила, звала к себе. Была не была! Я ухватил ближайшего мертвеца за ремень и оттащил тяжелое тело в сторону. Потом следующее. Когда все трупы были убраны с пути, створка вновь начала медленно отворяться. Внутри клубилась, клочкотала темнота.

Куда делись мои постоянные осторожность и выдержка? Наверное, остались вместе с совестью в подвале, где погиб Шилов.

Сквозь скрежет отпираемой двери вдруг различил: тук-тук-тук. Со стороны коридора мелькнуло что-то серое, бесформенное. Я вжался в угол, стараясь держать под прицелом как можно большее пространство. Руки дрожали, автомат мелко трясся, будто стакан в руках алкоголика.

Надо было сматываться. Вот зачем я сюда полез?! Что хотел доказать? Мутант реальный! Безрукий «язвенник» в оранжевом комбизе реален! Чёрт возьми, даже этот «Камень» с потёками золотистой смолы – реальный!

Крякнув в последний раз, тяжелая створка замерла, и стало так тихо, что я слышал, как позвякивает автомат, дрожа в моих руках.

А потом ожила рация:

– Командир, Клов и Бакс пошли вам навстречу. Связь с ними пропала. Командир, как слышите меня?

Не отрывая взгляда от черноты дверного проема, просипел:

– Понял тебя... Попытайся связаться снова.

– Что? Я вас плохо слышу. Командир, повторите... – В радиозфере повисло молчание.

Что-то надвигалось со стороны коридора. Снова шорохи, стук тяжелых сапог. Недолго думая, я ринулся в открытую дверь, и вовремя. Нечто массивное прыгнуло на меня сзади, про-

махнулось, упав на трупы, зарычало. Не было времени закрывать за собой тяжелую створку. Луч фонаря высветил разбитый автоклав, столы с какой-то рухлядью. Налетев на один, перевернул его, помещение наполнилось звоном бьющегося стекла и грохотом металлических предметов.

Со всех сторон зарычало, заклекотало, заухало.

Любить вашу душу!

Не сбавляя темпа, бежал, перепрыгивая через препятствия. Неведомое чудовище гналось следом, а вокруг, в темноте, трепыхалось и рычало ещё что-то. Большое, страшное. Зашипело совсем рядом:

– Сюда!

– ...да-да-да... – брызнуло эхо.

Когда впереди возникла стена, я резко обернулся, присел на колено и вдавил спусковой крючок, стеганув тьму длинной очередью. Удачно, судя по дикому рёву, раздававшемуся через мгновение.

Вторая очередь ушла чуть ниже первой на случай, если существо не человекообразно. И снова попадание.

Мутант завыл, заскребли по бетонному полу когти.

Только теперь я осмелился направить луч фонаря в сторону страшных звуков. На бетоне распластался однорукий мертвец в оранжевом комбезе. Но ведь я отчётливо слышал нечеловеческий рёв и звук скоблящих по камню когтей! Поднял фонарь, освещая помещение. Свет легко добирался до стен, выхватывая из тьмы столы и стулья, какие-то научные приборы и автоклавы. Никого кроме меня и оранжевого тут не было... Но я слышал! Чёрт возьми, слышал! И кто же тогда открыл дверь изнутри?..

Мысли безумца... Может, прав был профессор Шилов и всё дело в «Камне»?

Дрожащими руками сменил магазин автомата, едва не плача, передёрнул затвор.

– Встать, Журавлёв, – скомандовал сам себе, – встать! Нужно идти. Прочь от этого дома с невидимками-мутантами, оранжевыми зомби и «Камнем». Прочь!

Дальше оказалось легче. Нужно было лишь убедить себя, что никого тут нет. Ты один. Выбравшись из здания, двинулся по склону точно там, где сегодня мы шли с Шиловым. Миновал куст с оторванной рукой резвого «язвенника», легко взобрался на холм. Интересно, у выживших в перестрелке наёмников было всё в порядке с головой, если они помимо оружия убитых бойцов упёрли с собой и... эту руку? Риторический вопрос, но в данный момент, при воспоминаниях обо всем произошедшем с моим сознанием в проклятом доме, – несколько не лишний.

До броневика оставалось метров сорок, когда я увидел их – двое в камуфляжной экипировке, в сферических шлемах. Сначала, щурясь на полуденное солнце, я решил, что это Клюв и Бакс, но потом разглядел у них в руках натовские штурмовые винтовки.

Заметить меня они не могли – я скрывался за холмом, а вот броневик видели наверняка.

– Приём, это Жура. У нас гости. Как меня слышно?

Тишина в эфире. Обогнув двух незнакомцев по дуге, залёг за деревьями – единственными в округе укрытиями. Вон он, наш «Тигр», виден как на ладони. Выудил из кармана монокуляр, взглянул через него на происходящее и выругался матом.

Клапан лежал возле броневика не шевелясь. Мёртв? Возможно. Огромный, неповоротливый детина, он не смог бы спрятаться в траве. Чуть поодаль, в зарослях тальника, заметил затаившегося снайпера. Если бы не чернело цевьё винтовки, нипочём бы не разглядел в сплетении сухой травы и веток аккуратный холмик. Вот оно, значит, как. Пришли, постреляли моих ребят и теперь ждут нас с профессором.

Версию, что трое незнакомцев – мародёры, решившие угнать дорогостоящую технику, отмёл сразу. Нет же, это профессионалы! От ярости забыл про аномалию за спиной, «Камень»,

Шилова, про беготню по странной комнате. Нож послушно лёг в ладонь. Эй, снайпер, сейчас и ты займёшь своё место у меня в памяти!

Я давно заметил, что ярость придаёт сил. Мешает действовать аккуратно – это да, но силы и решимости прибавляется стократ. Поудобнее перехватив нож левой рукой, автомат правой, двинулся вдоль дороги, через кустарник.

За позицией снайпера – «энерго». Мощная. Не то чтобы близко, но разрядом шарахнет так, что в радиусе метров полста всё живое поджарится.

Прокрутил в уме свой короткий, но действенный план: кидаю в аномалию нож, она срабатывает и убивает стрелка, потом срезаю двух других.

Замах, бросок.

Нож с чёрной тряпицей, примотанной к ручке, просвистел в воздухе и воткнулся в траву позади противника. Тот дёрнул головой, попытался обернуться на звук, но куда там. Голубоватая молния ударила от земли в месте падения ножа, взвилась ломаной линией вторая, за ней – третья. И уже она ткнулась в спину находящегося в засаде. Человек выпустил из рук винтовку и поселился в моей памяти. Всё произошедшее заняло две-три секунды.

А я вернулся к дереву, залёг. Здесь, у самых корней, мои бойцы вчера припрятали небольшой подарок – осколочную гранату. Сталкерская привычка – оставлять тайники с боеприпасами и оружием в разных местах Зоны, чтобы в нужный момент удивить врага. Пошарил рукой – есть, вот она, ребристая рубашка.

Двое в сферических шлемах бежали к успокаивающейся аномалии. Выдернув кольцо, зашвырнул гранату им за спины, чтобы осколками не покалечило Клапана, если здоровяк всё ещё жив.

Громыкнуло. Несколько коротких очередей, одна длинная, до сухого щёлканья бойка – и в моей памяти ещё пара безликих мертвецов занимает свои места.

Выждав с минуту, пока аномалия окончательно успокоится, перезарядил автомат и двинулся к броневику. Обладатели красивых шлемов не добежали до него метров двадцать. Один из них был мёртв – изодран пулями. Второй ещё корчился в конвульсиях, что-то хрипел. Я прошел мимо. Важнее было узнать, что с моим другом.

Надеялся до последнего. Когда склонился над Клапаном, сразу же заметил, что камуфляж на животе залит кровью. Когда друг захрипел, я возликовал – живой! Главное, живой, а до врачей я его доведу. «Тигр» – машинка резвая, успеем. В Надеждинске будем через...

А потом я увидел его глаза. Затуманенные, белёсые.

– Жу-р-р-ра, – вырвалось из побелевших губ Клапана, и я до боли стиснул зубы, чтобы не закричать.

Чёрт возьми, это я оставил ребят тут! А ведь здоровяк мог жить.

– Ты «язвенник», старик... – произнёс сквозь слёзы и не узнал своего голоса.

Автомат поднимал медленно, словно надеялся, что друг воскреснет. Но этого не случилось. Пуля в голову – всё, чем я мог ему в последний раз помочь...

Близость аномалий сделала своё дело. Крепкий парень, срезанный пулей, истёк кровью и превратился в безмозглую нежить.

Отерев слёзы рукавом, поднялся и подошел к телам автоматчиков. Для верности сунул ствол «Вала» в расколотый шлем мертвеца, пустил пулю, подошел ко второму, дергающемуся, агонизирующему. Присев рядом, принялся шарить у него в карманах. Никаких опознавательных знаков, никаких документов, лишь ворох фантиков от ирисок «Кис-кис». Это было последней каплей. Пока Клапан истекал кровью, эта мразь жрала конфеты! Приторно сладкие, склеивающие челюсти...

Я откинул матово-чёрное забрало шлема, и с минуту смотрел в раскосые глаза, полные боли и ужаса.

– Боишься? Правильно, бойся.

Умирающий зашевелил губами, когда я разжал кулак и ему на лицо высыпались конфетные фантики.

Добивать его я не стал. Может, именно об этом пытался попросить несостоявшийся убийца, но лёгкой смерти он не был достоин. Автоматчика ждали долгие страдания.

Бакс и Клюв явно ушли прежде, чем появилась эта троица, иначе приняли бы бой. А раз никакой стрельбы не было, значит, нападавшие дождались, пока Клапан останется один, и убили его. В надежде, что ребята отзовутся, коснулся гарнитуры, переводя её в активный режим:

– Бакс, Клюв! Ребята, вы куда подевались? Клапана убили. Парни, вы где?

Никто не ответил. Мужики просто исчезли, растворились на просторах Зоны. Хотелось верить, что они заплутали, попали в сектор, где нет связи. Но ведь не могли же потеряться на открытой местности! Ладно, эти двое с автоматами не заметили меня, бегущего от здания, прозевали, но разве я сам не увидел бы идущих по низине людей? Увидел бы. Обязательно увидел.

– Зона, ты мне мстишь?

И снова тишина. Ни единого шороха, ни единого отдалённого выстрела.

– Тварь ты! Скольких уже забрала!

На сей раз Хозяйка отозвалась – в нескольких метрах от броневика ожила аномалия, зашипела, а потом послышался характерный свист, слышав который любой здравомыслящий сталкер падает на землю, что я и сделал. Нужно было сразу проверить тело снайпера, а теперь поздно. Приподнялся на локтях и пополз под днище броневика, понимая, что сейчас рванёт...

У снайпера при себе была противопехотная мина. Одна из тех, которые сталкеры называют «шипучками» за характерный звук, который она издаёт, попадая в аномалию. Видимо, рюкзак у таившегося в зарослях стрелка стоял слишком близко, и когда я спровоцировал «энерго», метнув нож, его затянуло в самую сердцевину. А в пасти у этого порождения Зоны привычные «монки» ведут себя всегда одинаково – начинают шипеть, а потом взрываются. Но это ещё не самое страшное. Многим хуже, что пламя взрыва способно разогреть воздух вблизи аномалии. И вот тогда уже она начинает вести себя непривычным образом – закручивается в огненный смерч, срывается с места и принимается пожирать всё, что может служить для неё подпиткой – деревья, дома, людей. Словом, всё, что в себя затягивает. Однажды я своими глазами видел, как вот так же поглотило армейский Ми-8. Винтокрылую машину долго корёжило в огненном вихре, а потом разорвало на тысячи мелких деталей.

Позади гулко хлопнуло. Могучий «Тигр» качнуло, по броне застучали осколки. В ужасе я обернулся, успев увидеть момент рождения вихря. Из сердцевины аномалии взмыли плети голубоватых молний, обвили огненный столб, закружились, образуя гудящий смерч. Броневик раскачивался и вот-вот должен был оторваться от земли, чтобы влететь в жадную пасть. Я чувствовал запах горелого мяса, ощущал, как опаляет волосы на руках, как щиплет глаза. Прополз под днищем «Тигра», поднялся на ноги и бросился бежать. Автомат из моей руки вырвало и унесло в пламя. С рёвом аномалия захлестнула машину, разбирая на запчасти, и потянулась за мной.

Бежал быстро. В мозгу пульсировала лишь одна мысль: «Успеть, успеть». Деревья, за которыми я укрывался несколько минут назад, с треском сломались. «Энерго» сожрала их, но оглядываться я не собирался. Позади, набирая силу, бушевал смертоносный шторм. Стоит замешкаться – нагонит и испепелит или хлестнёт молнией. Перепрыгивая через тела автоматчиков, заметил, как тянет их в сторону вихря, и прибавил ходу. Любитель ирисок успеет увидеть вживую огненный ужас изнутри.

До глинистого склона оставалось совсем немного. Нужно было лишь добежать, прыгнуть вниз, оказавшись в поле действия другой гадины. Внутри всё оборвалось. Если они сойдутся, обе, а я окажусь между ними?..

Вот он, край осыпи. Шаг, прыжок в пустоту.

Пламя гудело где-то за моей спиной. Я рухнул на глину, приложился плечом, полетел вниз. Аномалия не отставала. Шла по пятам. Она должна была остановиться, должна была замереть на границе большого энергетического поля. Нет же, вихрь двигался. Обьедал кусты и деревья, поднимал из травы обломки бетонных балок, куски металла, камни.

Единственным укрытием для меня было жуткое здание, в коридорах которого бродили неизвестные мутанты, лежали трупы. Но выбора не оставалось. Миновал куст с найденной под ним рукой зомби-учёного. Она почти тут же улетела в сторону вихря. Секунда-две-три... Дыхалки не хватало, я хрипел, но бежал. Безоружный, измождённый, полубезумный, цеплялся за жизнь. В фойе влетел в последний момент. Огненный шквал бушевал совсем рядом, черня стены и двери дома, колючие молнии ощупывали второй этаж. Как пылесос, аномалия, присосавшаяся к бетонному коробу, вытягивала из его утробы всё. По коридорам летели мелкие обрывки бумаги, доски, заплесневелое тряпье. Я свернул в комнату, где покоились тела наёмников. В закутке, возле двери, огненный шквал не ощущался, тогда как в коридоре становилось всё жарче.

Я прошел в дальний угол, сел на один из трупов – плевать, после всего произошедшего брезгливости не было. Рано или поздно аномалия успокоится. Должна успокоиться. Тогда я смогу выйти отсюда.

– Эй, Зона! – на моих губах играла глупая ухмылка. – Не по зубам я тебе...

Ну да, оказавшийся в ловушке, лишенный пищи, воды, оружия, я ещё и хорохорился.

Посидев минут десять с закрытыми глазами, послушав рёв аномалии, принялся шарить по карманам мертвецов. У одного из них нашел смятую пачку сигарет, у другого – серебряный крестик в нагрудном кармане. Сигареты не тронул, а серебряную находку повесил на шею и даже перекрестился. Без веры в её действенность, просто на всякий пожарный. Еды у мертвецов не нашлось. Видимо, кто-то, побывав здесь, собрал не только оружие, но и рюкзаки с сухпайками и аптечками. Куда унёс? Если это ребята Вальтера, то на кой чёрт им чужие баулы? А если Тарантул? Нет, сталкер в одиночку бы всё не допёр.

Взгляд упал на приоткрытую створку. А что, если оружие утащил кто-то, обитающий там, в темноте? Кто знает, сколько исходящих желтоватым светом дверей может там таиться и что скрывается за ними...

Позабыв про страхи, поднялся на ноги и шагнул внутрь, в пахнущую плесенью тьму.

Единственным источником света оказался смартфон, экран которого играл теперь роль фонаря. А оружие все же есть – пистолет в кобуре. Чтобы отыскать двери, ведущие в иные помещения, решил двигаться вдоль стены, мимо перевёрнутых автоклавов, ржавых стеллажей. Наконец, в дальнем углу обнаружился стальной лист с приваренной ручкой. Постояв перед ним с минуту, потянул на себя. Кто-то сегодня впустил меня в это помещение. Человек? Мутант? Зона? Не важно. Главное, «тайная комната» спасла от аномального шторма, который бушевал снаружи.

Когда открывал дверь, вспомнил слова инструктора из армейской юности: «Сначала заходит граната, потом заходишь ты». За неимением таковой придется рискнуть.

Я оказался в небольшой комнатке – три на три метра, из которой выходил тоннель со сводчатым потолком и тянувшимися вдоль стен жгутами проводки. Под ногами хрустело расколотое стекло люминесцентных ламп, пикал смартфон, извещающий о низком заряде батареи. Снова вспомнился инструктор: «Андроид съедает заряд быстрее, чем мимикрим съедает сталкера...» Весёлый ты мужик, подполковник Поляков, многому меня научил...

Понимая, что в любой момент смартфон отключится и свет потухнет, принялся считать шаги. Не хотелось остаться в темноте, не понимая – куда идти. Семнадцать шагов – прямо, потом тоннель повернул вправо – ещё сорок два шага. Ни одной двери.

Минут через десять жар аномалии, обжигающей проклятую двухэтажку, пропал, ощутило похолодало. Под ногами захлюпала вода, стало тяжело дышать. Тоннель шел под уклон, спускаясь всё ниже. Я попытался сориентироваться, под какими территориями нахожусь, и пришел к выводу, что путь ведёт к берегу Озера. А там – радиация. Но поворачивать поздно. Ещё полчаса – и холодная вода достигла колен. В очередной раз свернув, поднял смартфон над головой, к самому потолку, и увидел, как колыхается метрах в двадцати передо мной вода. Тупик?

Страх вернулся тут же, не заставив себя ждать. Начало казаться, что стены сдвигаются, сдавливая меня. Возле аномалии было теплее. Подзарядившийся от неё смартфон ещё светил, но заряд батареи был на исходе.

Сколько потом бродить в темноте? Часы? Дни?

Думал об этом, а сам продвигался вперед, всё глубже погружаясь в воду. До пояса, по грудь, держа смартфон над головой. Наконец, за очередным поворотом путь мне преградила вертикальная шахта с ржавой лестницей. Недолго думая, полез наверх, всем весом навалился на закрывающую лаз крышку, приподнял и почувствовал свежий воздух, услышал далёкий рёв еще продолжающегося вихря. Выбравшись наружу, упал на траву и долго, глубоко, полной грудью дышал, втягивая зараженный, но такой приятный после ползания по катакомбам воздух. Вопреки ожиданиям, лаз вывел меня не к Озеру. Он находился у подножия того самого холма, с которого утром смешно скатился Шилов. Наверное, и плюхнулся в грязь он где-то рядом, да только не разглядел заваленный землёй, заросший травой люк. А прошедшая по низине аномалия выжгла растительность, разбросала грунт. Если бы не она, я бы бился снизу, не в силах сдвинуть крышку. Правда, и в тоннеле я оказался из-за разбушевавшейся «энерго».

С моей позиции отчётливо просматривались двухэтажный дом и ослабевающий рядом огненный смерч. Посмотрел на экран смартфона и глупо улыбнулся: батарея умного гаджета села. Голодный, уставший, долго ещё сидел на склоне холма, глядя, как в низине лютует аномальный вихрь. А из чёрных провалов окон панельной двухэтажки на меня смотрела смерть, удивлённая, что сталкер Жура всё ещё жив.

Глава 4

Закрытый город Надеждинск. Недалеко от Рубежа

Помню лишь, как с остервенением бил кулаками в ворота на одном из блокпостов. Орал: «Пустите, твари!» Как дополз по топким берегам болота до линии Рубежа – не помню. Ни в одну аномалию не вляпался, ни на одного хищника не нарвался. Даже почти без последствий преодолел минное поле. Задел одну, но рванула она отчего-то, когда я уже отошел на приличное расстояние. Было холодно, страшно. В голове гудело, из распоротого осколком мины лба, заливая глаза, сочилась кровь.

Представляю, как удивились бойцы на блокпосту, когда с противоположной стороны колючки, с территории Зоны, кто-то начал долбиться и требовать отпереть ворота. Наверняка всем личным составом кирпичей наложили. Ещё бы! На таких мини-заставах в основном служат контрактники, которые в Зоне не были ни разу. Им, естественно, рассказали, что внутри периметра Рубежа – смерть, мрак, злобные твари с когтями, клыками и налитыми злобой глазами. Но никак не матюгами.

С полчаса стучал я в ворота, пока вояки в панике носились туда-сюда, смотрели через камеры видеонаблюдения на окровавленного человека в мокрой, грязной одежде, звонили в штаб, консультировались с дежурным.

Через тридцать минут ворота распахнулись, на залитую бетоном площадку перед блокпостом высыпал взвод автоматчиков. Меня схватили за шкварник, затащили внутрь, принялись водить поверх одежды счётчиком Гейгера и аномалометром. Стандартная процедура. Вот только глаза у всех были круглые, как у какающей собачки из анекдота.

Позже выяснилось, что дежурным в штабе оказался мой давний приятель Мишка Верещагин. Он тут же скомандовал впустить меня на территорию, сам примчался на служебном «УАЗе» и отвёз в госпиталь.

– Что там произошло? – спрашивал Верещагин, пока машина сайгачила по колдобинам в сторону автострады.

Я что-то бурчал в ответ, а потом отключился. Измождённый, хапнувший дозу облучения. Надо отдать должное специалистам из госпиталя Надеждинска – откачали, подняли на ноги.

Двое суток в бреду. Я метался на кровати, выдёргивал из вены катетер капельницы, что-то кричал про «Камень», «язвенников», аномальные завихрения, профессора Шилова.

– В таком состоянии даже на иностранных языках порой начинают разговаривать, – улыбалась медсестра.

Только оказался в вертикальном положении – пнули к начальнику особого отдела. Майор Сапунов ждал объяснений. Оно и понятно – отряд военсталов на броневице в компании ценного ученого отбывает на важное задание, а обратно возвращается лишь раненый, ободранный, как дворовый кот, капитан Журавлёв.

Сапунов встретил у ворот комендатуры, куда меня подвёз Верещагин.

– Оклемаюсь? – без лишних церемоний спросил он и тут же, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ну, тогда слушай. Отчитываться будешь не мне. Из Москвы прибыл специалист, курировавший ваш рейд. Прежде чем что-то сказать, трижды подумай.

– Кто он?

– Если б я знал.

Мы уже поднимались по лестнице на второй этаж. Времени осталось на один вопрос, и я поинтересовался:

– Больше никто из моих ребят не возвращался? Может, Клюв или Бакс?

Сапунов отрицательно мотнул головой, дёрнул на себя дверь кабинета.

– Входи.

За столом, не сводя с меня ледяного, пристального взгляда, сидел невысокого роста худощавый субъект. Чёрный костюм, белая рубашка, галстук с золочёным зажимом. Я такие мелочи всегда подмечаю. Бывшая жена научила. Когда я был ещё сопливым лейтенантиком, угораздило жениться, а супруга хотела, чтобы муж выглядел с иголки, сопровождая её на всевозможные мероприятия. «Саша, ты должен разбираться в моде, – говорила она, – по одежде о человеке можно многое узнать». Ох, Наташа, как же ты была права... Что я мог сказать о незнакомце по его внешнему виду? Аккуратен, серьёзен, явно немало зарабатывает. Какой-нибудь юрист или психолог из числа тех, которые ведут беседы с военными сталкерами после неудачных рейдов.

– Оставьте нас, – произнёс он, обращаясь к Сапунову.

Офицер, ни слова не говоря, вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь. Непрост был странный человек в штатском, ох непрост, если его, как преданная собачонка, слушался особист.

– «Камень», – прошелестел штатский. – Мне нужно знать всё: где он расположен, как к нему пройти, далеко ли от подвала дверь с кодовым замком.

Вот тебе и психолог...

– Какая дверь? – я попытался изобразить удивление.

– Журавлёв, – тон незнакомца сделался холодным и угрожающим, – не надо играть со мной.

– Я, правда, не знаю, о чём идёт речь, товарищ... простите, не знаю, как вас величать. Мы спустились в подвал, но там не оказалось никакого «Камня». Профессор принялся вопить, что его мечта не могла исчезнуть, а потом пустил себе пулю в висок, и я...

– Хватит!

Человек в штатском поднялся из-за стола, прошелся по кабинету.

– Мне известно, что вы были возле «Камня»... – с затаённой злобой прошипел он, подойдя к окну. – После вашего возвращения специалисты провели ряд тестов. Вы были там, не лгите!

Помолчал, давая мне время обдумать сказанное, и продолжил:

– ...не буду ходить вокруг да около. Вы, Журавлёв, ввязались в очень нехорошую историю. Чтобы вы понимали всю серьёзность ситуации, скажу лишь, что гибель отряда капитана Валерьянова была неслучайной. А ваше спасение вполне можно считать чудом...

– Вальтер попал под воздействие аномалии, а мы...

– Вам и Шилову была уготована та же участь, что и капитану Валерьянову! – прервал мою реплику незнакомец. – Если бы вы не влипли в аномалию, мы бы с вами сейчас не разговаривали. Благодарите Зону, что вы ещё живы.

– Зону благодарить? – я усмехнулся. – Да кто вы вообще такой?

– Вам будет проще со мной общаться, если я назову вам свой оперативный псевдоним? Допустим, моя фамилия Иванов.

– Иванов, значит?

Человек в штатском безучастно взирал через окно на захламлённый двор, казалось, вовсе меня не слушая.

– Так вот, Иванов, я повторяю вам, что ничего не видел, не слышал и не...

– ...В отряде наёмника по прозвищу Рашид, – прервал меня он, – было одиннадцать человек. Контора давно им заинтересовалась. Один из самых боеспособных отрядов в Зоне. Они находились у нас в разработке больше года...

«Значит, он с Рубежа, – отметил я про себя. – Серьёзный товарищ попался. «Чекист», как называет таких начальников Сапунов».

– ...и когда потребовалось проникнуть на территорию одного засекреченного объекта, это предложено было сделать Рашиду. Мы пообещали ему закрыть глаза на деятельность некоторых его людей за пределами Зоны. Наёмник согласился, провёл до места назначения специалиста, знающего, как отпереть дверь, но потом связь с группой прервалась. Это случилось два года тому назад.

– И что? – я вновь попытался изобразить недоумение.

– Сталкер Тарантул нашел трупы людей Рашида в здании, где располагается «Камень». И вот в чём штука, тела настолько хорошо сохранились, что, казалось, не два года там лежат, а несколько суток.

Мне стало не по себе. Вспомнились изорванные пулями трупы наёмников, учёного с отрезанной рукой и пулевым отверстием в центре лба, беготня по лаборатории, огненный смерч аномалии.

– Вижу, вы начинаете понимать, – самодовольно заметил «чекист». – Это радует.

– Что вам нужно от меня?

– Информация. Где расположен «Камень», как вы шли к нему, что заметили по пути?

– Опять вы за своё? Я не знаю ни про какой...

– Молчать! – внезапно рявкнул собеседник. – Ты думаешь, я с тобой цацкаться буду?!

Глаза Иванова бешено сверкнули. Взяв со стола увесистую пластиковую папку, он извлёк несколько листков и протянул мне.

– Смотри, вот что с тобой будет!

Я принял из рук Иванова бумаги, бегло пробежался взглядом по напечатанному на одном из них тексту: «...поскольку взрыв произошел в 23:41 по местному времени... Погибшие опознаны как: Кондратьев Вадим Олегович и Юровский Александр Александрович...»

– Что это?

– Сам не видишь? – взгляд Иванова вновь сделался холодным и цепким. – Двое ребят из твоей команды.

Я непонимающе смотрел на Иванова. Перед рейдом я собрал отряд, но взял с собой лишь звено Клапана, остальных же отправил отдыхать. Все они были живы и здоровы.

– Ваших приятелей устранили, Журавлёв!

– Но зачем?

– Вам лучше знать... Майор Сапунов рассказал мне, что эти двое за сутки до начала операции выходили в Зону. Зачем?

– Разведать путь, – я ошалело переводил взгляд с Иванова на бумаги. – И я разрешил им отдохнуть...

Майор крикнул:

– Вот ведь... Они даже внутри здания не были, а уже мертвы. Представьте, что будет с вами!

– Как их убили?

– Весьма оригинальным образом.

Иванов взял со стола папку, выудил оттуда три фотографии, по всему видно, бывшие увеличенными снимками из паспортов, и поочередно продемонстрировал мне. Сначала он показал фотографию Юровского. Саныч на ней оказался аккуратно выбрит, при галстукке. Затем последовал снимок неизвестной девушки. Прямые русые волосы незнакомки обрамляли округлое, но весьма миловидное лицо, а в озорном взгляде карих глаз искрилась жизнь. На третьем снимке – бывалый военстал Кондрат.

– Вчера после обеда они получили жалование и с территории тренировочного лагеря вышли в город. Потом познакомились в забегаловке «Борщок» с вот этой красавицей – Сорокиной Галиной Ивановной двадцати пяти лет от роду.

С этими словами «чекист» ткнул пальцем в фотографию русоволосой девушки.

– В районе одиннадцати парни пришли в квартиру к этой мадам, пили, горланили песни. Без двадцати двенадцать соседи позвонили в комендатуру и пожаловались на шум. Когда приехал патруль, весь второй этаж дома уже перемололо в бетонное крошево. Предположительно, в квартире гражданки Сорокиной сработало безоболочное взрывное устройство большой мощности. Это пока официальная версия.

– А есть неофициальная?

– Аномалия, – медленно, словно бы смакуя каждый слог, выдал Иванов. – «Огниво», если быть точным. Скорее всего, у ваших бойцов был при себе одноименный артефакт, который сдетонировал, пока они ублажали очаровательную подругу.

– Почему именно аномалия? – я до сих пор не мог до конца осознать, что потерял ещё двоих из своего отряда. – Вне Зоны самих по себе аномалий быть не может в принципе, а мои ребята – спецы высокого уровня, они в обычной жизни не носят с собой артефакты, способные детонировать... И почему вы решили, что это именно «огниво»?

– Панельные перекрытия оплавилась от воздействия сверхвысоких температур. Повезло, что все погибшие находились в этот момент в спальне и непосредственного контакта с плазменным ядром аномалии не произошло, иначе от них и пепла бы не осталось.

– Ладно, допустим, что это так. Но с чего кто-то взял, что мои ребята видели «Камень»? Я ж говорю, что мы его не нашли... К тому же есть и более ценные свидетели, чем мы, – Тарантул, например. Он ведь выжил!

– Сталкер Тарантул скончался вчера вечером от сердечного приступа. После ужина, прямо в научном лагере, и смерть его была весьма странной. Пошевелите извилинами, Журавлёв. Какой артефакт может вызывать аритмию?

– Навскидку... «серп», «губка»...

– Вот то-то и оно, что «губка». Наши спецы нашли в его комнате этот артефакт, причем налицо стабильный уровень аномального излучения.

– То есть...

– Это второй случай устранения свидетелей, считая ваших сталкеров! Вам недостаточно этого, чтобы мне довериться?

Я опустил голову и тяжело вздохнул, пытаясь собраться с мыслями. Неужели всё именно так? Неужели я увидел то, что не должен был?

– Послушайте, Журавлёв... – тон Иванова смягчился. – Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Вы потеряли уже пятерых из своего отряда, оказались в скверной ситуации... Но не время сейчас, как улитка, прятаться в раковину! Вы должны помочь нам разобраться в случившемся, и тогда у вас появится реальный шанс спастись. Расскажите о «Камне»!

– Вы знали, что два года назад в том месте полёг лучший отряд наёмников, – я едва разлепил пересохшие губы, – так на кой чёрт вы послали туда сначала группу Вальтера, а затем и мой отряд? Ведь вы же понимали, что нас там ждёт!

– Таков был приказ. Сталкер Тарантул вернулся живым, и моё руководство посчитало, что появился шанс проникнуть к тайне.

– А когда не вернулась группа Вальтера? Ваше начальство и не подумало отказаться от попыток найти «Камень» после их гибели!

– Мы решили, что бойцы Валерианова вместе с ним самим стали зомби уже на обратном пути, – парировал Иванов. – А наёмников мы отправляли, чтобы те нашли лабораторию, находящуюся в том здании. Мы и подумать не могли, что легендарный «Скорбящий Камень» окажется там же.

– Совпадение?

Иванов пожал плечами.

– В любом случае руководство решило, что «Камень» – более приоритетная цель, чем лаборатория.

– Что это вообще за лаборатория такая? Сначала правительство создаёт всякие бункеры, потом не знает, как туда попасть...

– Её создали сразу после появления Зоны, для исследования протекающих на аномальной земле процессов. Вскоре почти весь персонал превратился в зомби. Почему – неизвестно.

– Потому что всё пространство вокруг здания – сплошная аномалия.

Собеседник, казалось, на мгновение перестал дышать, осторожно произнёс:

– Не аномалия в чистом виде, а энергетическое поле «Камня». Вы ведь знаете, как оно воздействует на человека?

Я отрицательно мотнул головой.

– Ну да, верно, вас же не инструктировали на этот счёт... Послушайте, Журавлёв, – тон собеседника сделался доверительным, – я предлагаю работать сообща. Вы поможете мне найти «Камень», а я помогу вам отомстить за друзей.

Я не отвечал. С минуту глядел собеседнику в глаза, пытался понять, что Иванов из себя представляет. Как бы умна ни была милая Наташа, и она бы не смогла прочесть по внешнему виду «чекиста» его истинные натуру и намерения.

– Сначала расскажите про лабораторию, – отчеканил я тоном, не терпящим возражений.

Иванов кивнул и начал, словно заправский менестрель, – издали:

– Когда появилась Зона, на её территории спешно возводились научные комплексы. Представители каждой из пятнадцати стран, создавших Рубеж, хотели раньше других понять, в чём загадка возникновения аномалий. Естественно, наши вояки строили больше всего лабораторий. Со стороны России месяцами гнали технику, проводили разведку местности, сооружали бункеры. Порой целые подземные города. Средств не жалели. Как это обычно бывает, хотели переплюнуть Америку, которая к тому времени уже запустила свои щупальца в Зону, развернув несколько полевых лагерей, подвесив спутник – аккуратно над своим сектором Рубежа. Это ведь их спутник обеспечивает действие так называемой сталкерской сети.

– Дайте-ка догадаюсь... – прервал я рассказ Иванова. – Люди пропадали, объекты переставали выходить на связь?

– Почти так. Сначала исчезали выходившие на замеры специалисты, на территорию забирались мутанты. Потом разом пропала связь с несколькими научными лагерями. Вы ведь знаете, Журавлёв, что бывает в таких случаях?

– Сначала спасательная операция силами военных сталкеров, а если она не удастся, то консервация объекта.

– То-то и оно. Если спасатели пропадают на объекте следом за персоналом, о нём просто забывают. Дистанционно вырубает энергоснабжение, блокируют двери, и лаборатория превращается в консервную банку с секретом внутри. Может, учёные умерли от опасного вируса, может, их порвали упыри, а может, случилось что-то ещё. В любом случае объект консервируют. Кот Шрёдингера, в общем.

– То же самое было и с лабораторией, рядом с которой Тарантул нашел «Камень»?

– Да, классический вариант: связь пропала, группа спасения дошла до объекта. Доложили, что входят, и – всё, тишина в эфире. Объект мы законсервировали. Документация была частично засекречена, но в большинстве своём – уничтожена. А два года назад у моего руководства появилась идея, – Иванов страдальчески скривился, – отпереть лабораторию и продолжить работу над проектами, которые там разрабатывались.

– Важные были проекты?

– Скажем так... там разрабатывалось оружие нового типа.

– А каким боком здесь Рубеж? Военные разработки – дело Минобороны, если я не ошибаюсь. Или нет?

Иванов хмыкнул.

– В Зоне все проекты курирует Рубеж, независимо от того, научные они или военные.

«Вот уже и военных под себя подмяли, – подумал я, – и спецслужбы. Страшно представить, на что будет способен Рубеж через несколько лет», – а вслух сказал:

– И вы получили бы медальку за возвращение объекта к жизни. Верно? И распаковать эту «банку» должен был отряд наёмников, которые оказались у вас на посылках.

Иванов нахмурился:

– Мой приятель, учёный, согласился пойти с наёмниками, чтобы открыть дверь. По рассказам Тарантула я знаю, что его убили выстрелом в голову. Расскажите подробности?

Я пожал плечами:

– Это лишь мои догадки... Наверное, он еще по пути туда, раньше наёмников, начал превращаться в зомби, тогда они пустили в него очередь, отрезали руку, дошли до лаборатории и попытались открыть дверь. Ничего не вышло, понятное дело. Что было потом... трудно поддается логическому объяснению. Скорее всего, когда ваш приятель нагнал их в здании, они уже начали сами сходить с ума от воздействия аномалии, или как оно там называется, это энергетическое поле, и перестреляли друг друга.

– Думаете, кто-нибудь из них уцелел в тот день?

– Вряд ли. Даже если последние выжившие в той бойне и ушли, то не со здравого рассудка унося с собой отрезанную руку учёного. Сами понимаете, что это были уже не совсем люди.

Собеседник глубоко вздохнул:

– Про лабораторию вы теперь всё знаете. Давайте поговорим о другом... Я помогу вам, Журавлёв, отомстить за погибших парней, а вы можете помочь мне.

Поднявшись из-за стола, «чекист» подошел к окну, взял с подоконника очередную папку с документами, хлёстко бросил её на стол.

– В Зоне существует террористическая группировка, называющая себя «Легион», – тоном лектора начал Иванов. – Это бывшие учёные, саботировавшие работу лабораторий и решившие заполучить технологии Зоны. Все разработки, до которых успела дорасти наша наука в бесчисленных исследовательских комплексах. Мы вынуждены убеждать людей, что в «Легионе» сплошь полоумные фанатики, но это не совсем так. Есть среди них и весьма хитроумные психи. Какие цели у террористов, вы представляете. Они грезят мировым господством, обещают поставить на колени всех с помощью Зоны...

– А они могут? – перебил я «чекиста».

– Пока нет. Их всего пара сотен человек. На руках стрелковое оружие. Но среди них люди науки, которые способны на многое. Например, сделать бомбу из нескольких артефактов.

– Значит, гибель моих ребят – их работа?

– Их. Они активизировались недавно. До этого длительное время о «Легионе» и слышно не было, а теперь... Они распечатали несколько лабораторий, пытаются вскрыть ту самую, в которой делали оружие. Боюсь представить, что будет, попади к ним технологии из нашего подземелья.

– Но это ведь не всё, да? Я ещё будучи сталкером слышал про легендарный «Камень», который сам по себе то ли оружие, то ли способен исполнять желания.

Иванов кивнул.

– Верно. Поэтому мы и хотим добраться до него раньше, чем «Легион». В этом мне и потребуется ваша помощь. Перед вами досье сталкера... Посмотрите.

Я взял со стола тоненькую папку-скоросшиватель, открыл, принялся просматривать файлы.

– Зверев Максим Игоревич, – пока я разглядывал фотографию, вклеенную в досье, продолжил Иванов: – Прозвище – Зверь. По нашим данным, этот человек был «подопытным кроликом» в одной из их лабораторий. Но суть не в этом. Главное – у него при себе есть артефакт, который может нейтрализовать влияние энергетического поля «Камня». Пока в «Легионе» об

этом не знают. Ищут Зверева по иным причинам... Сами понимаете, что будет, если поймут, какой ценностью он обладает.

– Вы сами осознаете, какую дикую историю мне рассказали? Бункеры, «Камень», «Легион», Зверев... – Иванов раздраженно засопел, а я продолжил: – Вы же собрали в кучу едва ли не половину легенд, бродящих по Зоне! И заметьте – выдали это как само собой разумеющееся... Вы! Человек, представляющий интересы служб, которые не любят бросаться словами просто так. И как вы мне можете помочь в том, с чем сами в течение долгого времени не в состоянии справиться? Если моих ребят убили эти самые «легионеры», я найду их и прикончу. Без вашей помощи.

– Вы не хотите быть мне обязанным? Понимаю... Но как вы будете искать их? Выйдете на главную площадь Надеждинска и выкрикнете: «Я тут! Убейте меня!», так?

Теперь уже я сопел, не поднимая на Иванова глаз.

– Вот что, Журавлёв... Я предлагаю вам реальную возможность прищучить этих тварей. Вы должны лишь следовать моим инструкциям.

– Как следовали погибшие наёмники?

– Прекратите! Вы знаете, что я нужен вам не меньше, чем вы мне.

– Вы налажали, товарищ Иванов, и теперь пытаетесь прикрыться мной. Иначе зачем вам потребовалось самому ехать сюда? Кстати, откуда вы? Из Москвы?

«Чекист» с минуту играл желваками, после чего отчеканил:

– Вы найдёте Зверева и заберёте у него артефакт, а я гарантирую вам, что боевое крыло «Легиона» уничтожат. Со мной приехало сорок человек. Спецназ. И если вы не пойдёте в Зону делать то, о чём я прошу, всё сделают они. С большим количеством шума и жертв, но сделают. Я в них уверен. Мои ребята разыщут сталкера, изымут этот, как его называют учёные, ключ к аномалии, возьмут под контроль здание, где находится «Камень». А вы останетесь один на один с убийцами ваших друзей и соратников. Что будете делать в этом случае?

Слишком гладко, слишком складно всё получалось в трактовке «чекиста». Иду в Зону, приношу оттуда артефакт-ключ и получаю на блюде убийц своих друзей.

– Одно непонятно, – хмыкнул я, – зачем вы мне всё как на духу рассказываете? Вдруг меня поймают, начнут пытать?

– Мне важно, чтобы вы понимали ситуацию, Журавлёв, и могли оценить значение нынешних событий. Да, я налажал. Теперь пытаюсь исправить ситуацию, и мне нужен человек, которому могу доверять. Но я хочу, чтобы и вы мне доверяли!

– А ещё хотите обойтись малой кровью. Если сделаю всё, как говорите, будете на коне.

Иванов кивнул.

– Зверев находится сейчас где-то на территории Болот, а по его следу помимо «Легиона» идут ещё и «лешие».

– «Лешие»? Этого еще не хватало... А им-то он чем насолил?

С этими сталкерами, нанимаемыми для уничтожения опасных мутантов, мне не раз доводилось работать бок о бок, а их лидер – Инквизитор – звал меня в группу.

– «Лешие», «Легион»... Всем им нужен Зверев. Если «легионеры» доберутся до него раньше вас, то вполне может статься, и до «Камня» они смогут дотянуться. И тогда... Впрочем, если бы я в вас не был уверен, этого доверительного разговора сегодня бы не состоялось. Поэтому, если успеете встретиться с ним, в выигрыше будут все. Мне – победа, вам – месть за друзей. Подумайте. У вас есть час, – он принялся сгребать со стола папки с документами. – Через час дадите ответ.

– Иванов!

«Чекист», уже направляющийся к выходу, обернулся.

– Вам не кажется, что вокруг этой истории слишком много совпадений?

Он пожал плечами.

– А мне кажется.

– Паранойя, – впервые за время разговора собеседник улыбнулся. – Бывает при вашей работе.

И вышел, закрыв за собой дверь.

* * *

До недавних пор я болезненно кривился, когда в баре очередной мужичок заводил привычную тягомотину:

– Жизнь меня поломала...

Его-то поломала? Вряд ли. Не он – молодой и перспективный офицер, которого бросила жена. Ведь он после пережитого не направился в Зону, чтобы несколько лет сначала искать смерти, а потом наживы. Это ж не его заприметили военные с Рубежа, чтобы вернуть в ряды себе подобных. И уж точно не он терял друзей, разорванных аномалиями, изрешечённых пулями в Зоне и вне её. Не он оставался один на один со жгучей жадой мести...

Нет же, этот очередной страдалец шел в бар, чтобы такие же набравшиеся спиртного неудачники поддержали его, поняли, утешили. Мне утешение не требовалось ни тогда, ни сейчас. Оглушённый новостью о гибели товарищей, я сидел за столиком у входа в бар, разглядывая посетителей – сталкеров и горожан.

– Жизнь меня поломала... – вещал очередной пропойца.

Ну, давай, расскажи, как от безденежья ты рванул в Зону, как понял, что там убивают и умирают, а заработать можно, только если ты станешь частью этого страшного мира. Многие не выдерживали и приходили в бар. Кто-то из них потом уезжал в родной город на последние деньги, чтобы просыпаться по ночам и кричать от ужаса, когда во сне слышался рёв мутанта или гул аномалии. Были и те, кого в скором времени сцапали сотрудники Рубежа и отправили на пять лет за решетку по статье о незаконном проникновении на закрытую территорию. За сталкерство, если по-простому. В основной же массе эти пьянчуги так и оставались в Надеждинске, вросли в его грязный ландшафт, превратившись в попрошаек, простирающих руки к бойцам Рубежа. А сколько еще таких появится в дальнейшем! Ничему жизнь людей не учит, как никогда им не помогал чужой горький опыт. До той поры, пока те же грабли не начинают бить уже их собственные лбы... Но сейчас все они потягивают пиво или залпом заглатывают обжигающий спирт и ждут, когда завсегдатаи скажут:

– Сочувствую, брат... Зона и меня поломала.

И меня поломала, жалкие вы нытики! Поступки прежних лет сейчас могли показаться безрассудными, но на тот момент иного выхода не было. Я жил, пытался поступать по совести. И вот к чему всё привело...

Наталья ушла без скандалов, записок, голых вешалок в пустом шкафу. Просто однажды вечером сообщила:

– Через час придет Миша Верещагин, заберёт мои вещи.

– В смысле? – уставший, вымотанный после очередного прорыва на блокпосту, на чёртовой седьмой отметке, я не мог сообразить, о чём речь.

– Я уезжаю, Шурик. Навсегда. Ты разве ещё не понял?

Я не понял. Тогда не понимал и не уяснил до сих пор. Что было не так? Вечно измученный службой муж ей не подходил? Жизнь в режимном городке Надеждинске выматывала? Ежегодные отпуска на теплых морских побережьях и поправка здоровья в любых санаториях на льготных условиях изнурили до ужаса? Или не хватало денег, которых «куры не клевали»? В чём причина?

Никакого «другого мужчины», никакого «я хотела ребёнка, а ты не хотел», никакого «я еду к маме». Просто вдруг громко хлопнуло – это закончилось её... наверное, слабое терпение, и я остался один.

Молодой, глупый. Офицер Рубежа, защитник мира от Зоны. И ведь именно такого она полюбила. А может, было что-то ещё? Наташа иногда говорила, что с началом службы на границе с Зоной я изменился не в лучшую сторону. Стал злее, циничнее.

– Шурик, ты был таким милым и добрым. Щенок прямо. А теперь...

– Что? – вопрошал я. – Повзрослел?

– Не-е-ет, – расстроено тянула жена, – стал грубее. Появились клыки, шерсть на загривке щенка пошла колтунами. Того и гляди, начнёшь кидаться на людей...

Как она была права! Я мечтал стать героем, но цинизм окружающего мира захлёстывал. Наверное, поэтому и ушла. И я даже не пытался спорить, просто порассуждал, попробовал ее понять. И принять все таким, каким оно оказалось. В конце концов, у всего есть предел. Наверное.

Той ночью мы с Верещагиным стояли на балконе, глядя на спящий Надеждинск, курили, больше молчали.

– Слушай, Сань, она сама попросила её из города вывезти. Сказала, что если это сделаю я, ты не будешь ревновать и закатывать истерики.

– Да я и не ревновал бы. Знаю, что у неё никого другого не было и быть не могло...

– А что тогда? Почему уехала?

Окурок полетел во тьму. Мигнул и пропал.

– А хрен его знает, что не так...

Верещагин с минуту молчал, потом протянул:

– Ну-у-у, может, вернётся ещё. Или ты за ней рванёшь?

Но Наташа не вернулась. Ни через месяц, ни через полтора. Я за ней, разумеется, не поехал. Не было времени, каждый день авралы. Спустя неделю на моём блокпосту погиб боец, и из Москвы прибыли проверяющие, шерстили документацию, проводили экспертизы. Не до ушедших жен стало. Все пахали, чтобы мутанты не прорвались. А может, я сам загонял себя в дебри тяжелой работы, чтобы не думать о жене. Не ведаю. Но ее очень хорошо узнал за совместно прожитое время. В глубине души был уверен – не вернётся.

Меня словно лишили рук – ничего не мог делать. Однажды во время атаки мутантов на блокпост здоровенный мимикрим запрыгнул на стену, и я – старший лейтенант Журавлёв – чуть было не отправился вслед за погибшим солдатом. А мне было плевать. Хотелось сдохнуть.

Мишка подсуетился, и меня после этого случая перевели в штаб. Они с женой вообще тем летом много для меня сделали. А я смотрел на них – весёлых, счастливых. Хотелось спросить, как они умудряются любить друг друга и свою дочь здесь, в Надеждинске, где надежда никак не ощущается. Ведь тут Мишка чуть не потерял руку, а его ребёнок заработал рак. Тут! Зона тянулась через заборы и контрольно-следовые полосы в город, облизывала радиоактивными ветрами всех и каждого. А они жили, любили. Строили планы. Верещагин хотел уйти в отставку, поселиться где-нибудь в средней полосе или у моря, вылечить дочь. Денег на лечение у них не хватало, но врачи обнадеживали – началась ремиссия, времени на сбор средств ещё достаточно.

А я?... Впервые в Зону ушел неожиданно даже для самого себя, ранним октябрьским утром. Знал, где перебраться через Рубеж незамеченным. Добрёл до неприметного блиндажа, в котором меня встретил проводник из Надеждинска – сталкер Поляк. Он продал мне оружие, провёл вглубь. Так исчез капитан Журавлёв и родился сталкер Жура. А почти через два года грянуло. Мутанты прорвались в Надеждинск через шестой, седьмой и восьмой блокпосты. По городу прокатилась кровавая резня, сотни мирных жителей погибли. Я перешел линию Рубежа на родном блокпосту – седьмой отметке и не узнал привычного места. Все, с кем я служил,

были сожраны мутантами, не сумев остановить вал кровожадной нечисти. На стенах копать, повсюду кровь.

Первым делом я направился к Верещагиным. Испытал невероятное облегчение, когда узнал, что все в Мишкином семействе живы. Он отчитал меня, обещал дать в морду, и не раз, отправить под трибунал за дезертирство.

А я хотел вернуться в Зону. За утешением пошел к единственному человеку, который понял бы меня, – к отставному инструктору, а ныне проводнику Поляку. В прежние времена Поляк, вышедший в отставку, избрал судьбу сталкера и поселился в Надеждинске с малолетней дочерью.

– Всякое про меня собирают, – говорил он мне, когда впервые вёл в Зону. – Придумали тут недавно, что я в КГБ белорусском был важным чином... Чушь, конечно, но звучит солидно. Немало людей просят их провести через Рубеж, доверяют бывшему комитетчику, а значит, денег Иринке на учёбу больше скоплю, она в институт хочет поступать.

Но Зона не отпустила ни Поляка, ни его дочь. Я шел к старому другу за пониманием, а попал на поминки. Во время прорыва погибла Иринка...

Долго сидели за столом, почти все время пили молча, а потом он выдал вдруг:

– Ты извини, но я пока в Зону не пойду. Не в состоянии... И ты подальше от нее держись.

От дома товарища я шел, словно перепил лишку. В голове бурлил сонм противоречий. Задался вопросами: «А что, если бы я не бросил службу и находился со всеми на блокпосту? Смог бы с ребятами предотвратить атаку или погиб вместе с ними?»

Утром направился в комендатуру к майору Сапунову. Ошалевший от такой наглости особист долго бранился, после чего сообщил, что принято решение набирать отряды для обороны Рубежа из числа сталкеров, а значит, для дезертира Журавлёва появилась работёнка. Уже через неделю в местном баре я встретился с Клапаном, обрисовал здоровяку ситуацию, и мы с ним начали собирать отряд. Группу, которой больше не существовало...

И после всего случившегося я должен верить пьянчугам, которые говорят, что их положила судьба или Зона? Чёрта с два! Просидев в баре почти час, я так и не увидел ни одной дружеской физиономии. Для того, чтобы идти к болотам, мне нужен напарник. Кто-то надёжный, верный. Первым делом я направился именно в бар, где частенько появлялись сталкеры. Колю Демьяненко у барной стойки проигнорировал – нечего соваться со своими бедами к этому трусу, тем более, друзьями или хотя бы приятелями мы не были никогда. Еще не хотелось слушать его кислое и злое: «Я же говорил, что идти не надо...» А кроме него ни одного знакомого. Вот как назло...

Выйдя на улицу, зашагал в сторону комендатуры. Транспорт на Рубеж уезжал через два часа. Важно успеть найти напарника, взять в арсенале требуемое обмундирование, снаряжение и оружие, плотно пообедать. Путь предстоял долгий. За двое суток, проведенных без сознания, я неплохо выспался. Чувствовал себя бодрым и готовым горы свернуть. Был бы только тот, кто прикроет спину.

Идея – позвать с собой Мишку Верещагина – пришла почти сразу же. Он был, пожалуй, тем единственным человеком в проклятом городе, кому я мог бы доверять как себе. Опытный боевой офицер. Не военный сталкер, конечно, но имеющий за плечами пять рейдов вглубь Зоны. Нужно было лишь заманить его с собой, и в этом я особой проблемы не видел. Знал, на какие больные струнки его души надавить. Для лечения ребенка требуются деньги. И чем скорее, тем лучше. Ремиссия закончилась, и теперь Верещагин с женой изводили себя поисками средств. Я мог им помочь финансово. За годы сталкерства накопил немало нереализованных артефактов и готов был отплатить другу, согласись тот пойти со мной.

Когда на проходной комендатуры Верещагин встретил меня – измотанный, уставший, понял – не откажет. Понял и то, почему Наташа ушла от меня. Я и впрямь превращался из добряка Саши Журавлёва в подлого сталкера Журу. Но на то были причины...

Кабинет приятеля располагался на цокольном этаже комендатуры, в том дальнем углу, до которого начальство почти никогда не добиралось. Длинный коридор, похожий на тоннель, выведший меня из лабораторного комплекса, пугал. Я инстинктивно прижимался к стене, а на удивлённые взгляды Верещагина отвечал лёгким кивком, дескать, всё в порядке, не волнуйся. Определённо, соваться в Зону одному мне было нельзя. Наконец, коридор обрезаю широкой пластиковой дверью, за которой и пряталась нужная комната.

– Рассказывай, – распахнув створку, скомандовал Верещагин, – что там было?

– В Зоне? – Я вошел в прокуренное помещение, огляделся: комнатёнка три на три метра с рабочим столом, стеллажом во всю стену и двумя креслами в противоположном от входа углу. Душно, небольшое оконце под самым потолком заляпано грязью снаружи, отчего солнечный свет практически не проникал внутрь. Лишь настольная лампа освещала заваленный бумагами стол, пепельницу с горой окурков и небольшую фотографию в рамочке. На снимке светловолосая, улыбчивая Марина Верещагина обнимала худенькую девчушку – Леру.

– В Зоне, Сань. Вся комендатура на ушах. Рассказывай.

Я крикнул.

– Ну, это долгая история... Если вкратце, то никакого «Камня» не оказалось, вместо него были ребята с оружием, которые подстрелили Клапана. Пришлось удирать.

– Ясно... Жаль парня. Про Бакса и Клюва пока никакой информации. Я сообщу, если что-то выяснят. А что от тебя хотел московский дядечка?

Чего он хотел? Как минимум узнать про «Камень» и лабораторный комплекс, как максимум – получить на блюдечке с голубой каёмочкой Зверева и его артефакт. Но разве я расскажу другу всю правду? Лейтенант Саша Журавлёв разоткровенничался бы, но сталкер Жура – циничная мразь.

– Вот об этом и хотел поговорить... Наш столичный гость знает, кто убил Клапана и моих ребят здесь – в городе.

– Кого? – Верещагин не понял и встрепнулся.

– Саныча и Кондрата. Тот взрыв в жилом доме пару дней назад.

Мишка понятиливо кивнул.

– Слышал о нём? – удивился я.

– Слышал, но москвичи все документы изъяли. Кто, что, как – не знаем. Был взрыв, и всё тут. Безоболочное...

– Да-да, «безоболочное взрывное устройство». Он мне об этой версии рассказал. Но всё хуже. Кто-то убил ребят, активировав, скорее всего, целую сборку из артефактов, – выждал немного, чтобы Мишка оценил масштаб происходящего. – Не спрашивай, как они это сделали и кто они, – не скажу.

– Я и не спрашиваю.

– Вот... У москвича есть информация о них. Он может нам её отдать, но прежде мы должны кое-что для него сделать.

Понятливый Верещагин напрягся:

– Мы должны? Ты и меня сюда втравить хочешь? Мне, Саня, хоть и жаль твоих ребят, но сам я ни во что влезать не буду. Если меня не станет, кто о дочке позаботится?

– ...нужно, – словно не слыша его доводов, продолжал я, – чтобы мы пошли на болота и отыскали там сталкера Зверя.

Мишка глубоко вздохнул.

– Сань, ты не наглей. Я же сказал, что нет никаких «мы». И вообще... почему этот москвич ставит тебе такие условия? С ним целая армия приехала. Два автобуса головорезов – почище военсталов. Так что мне вся эта история не нравится. Своих проблем навалом.

Настала пора кивать мне. Первый ход был сделан верно. Верещагин начал апеллировать болезнью дочери, понимая, что и оставить друга без помощи неправильно. Нужно его добивать.

– Лерка у тебя когда должна в клинику лечь?

Приятель вспыхнул:

– Сань, я тебе щас в морду дам! Не смей в этом разговоре мою дочь упоминать! Тем более, ты знаешь, что на всё про всё два месяца. Не уложимся – значит, не успеем...

Всё верно, денег у семьи Верещагиных – кот наплакал, а клиника Франкфурта готова принять их через два месяца. Чуть позже – и будет поздно, раковая опухоль даст метастазы. Два месяца на препаратах – всё, что осталось у улыбчивой маленькой девочки.

– Миш, я помогу с деньгами. Есть артефакты, которые можно продать. Там хватит и на операцию, и на реабилитацию потом, на все эти инъекции...

– И всё это не бесплатно, так? – промелькнуло в его глазах понимание вперемешку с надеждой.

– Так. Мне нужна твоя помощь во время рейда. Прикроешь мою спину и получишь деньги на лечение дочери.

– А если мы оба сгинем в Зоне? Что тогда Лерке делать, как быть?

Хорошо! Вот он уже и не отбрыкивается от участия в рейде. Выражает разумные сомнения.

– Все артефакты оставим у Сапунова, и в случае чего он их продаст. Веришь ему?

Верещагин вздохнул.

– Надо подумать, Сань. Это рискованно...

– Времени нет на раздумья. Через полтора часа идёт машина к Рубежу. Ты либо соглашаешься сейчас, либо продолжаешь собирать крохи и смотреть, как умирает дочь.

Кулаки приятеля сжались.

– Сука ты, Журавлёв. Хуже раковой опухоли.

Я полностью согласился. Да, действовал резко, во многом неправильно, но выбора не было. На одном милосердии жизнь не построишь. Безжалостную жизнь в безжалостном мире... Добро тоже нынче стоит недешево.

«Шурик, ты был таким милым и добрым», – звучал в голове голос бывшей.

Поднявшись с кресла, я пристально посмотрел на Верещагина.

– Миш, я тебя на первом этаже, возле кабинета Сапунова буду ждать. Экипируемся в арсенале, все бумаги для этого на двух человек у меня есть. Во дворе нас подберут.

Да, когда-то Саша Журавлёв был хорошим человеком и офицером, потом хорошим сталкером. А теперь? Теперь он мстительный одиночка, вынуждающий последнего друга идти в самое пекло. Я шантажировал Верещагина, иного слова не подобрать. Было ясно – закончится рейд, получит он деньги за артефакты и навсегда забудет про сталкера Журу.

«Шурик, ты был таким милым и добрым...»

– Я буду через пять минут, только жене позвоню, попрощаюсь, – нагнал меня в дверях голос Верещагина, и на душе стало паршивей прежнего.

Часть вторая. Охотники и жертвы

Глава 1

Двумя годами ранее. Зона. Территория Пустыря

– Хорёк!

Сталкер встрепенулся. Справа от него в защитном костюме «Анархии» сидел, привалившись к остову трактора, раненый товарищ.

– Чего? – подполз он поближе.

– Они уже рядом. Лезь наверх.

– Я тебя не оставляю! – Хорёк нервно ударил по земле кулаком.

Почему-то всё, что случилось перед этим разговором, он никак не мог вспомнить в деталях. Да и вспоминать было особо нечего. Их просто нагнала стая псов, прижала на Пустыре, выжидая, когда у людей закончатся боеприпасы.

Как опытные ходоки могли проворонить огромную стаю в сорок оскаленных морд? Спросил бы кто чего полегче...

– Полезай, я сказал! – выкрикнул с нажимом напарник и поудобнее устроил помповый дробовик.

Собаки настолько сильно порвали сталкера, что надежды на то, что он не заразился какой-нибудь гадостью, практически не оставалось. Уперев ружье в окровавленную культю левой руки, тот прошипел сквозь плотно стиснутые зубы:

– Кончай геройствовать и лезь!

Хорёк секунду колебался, после чего поставил ногу на ось перевернутого трактора и взобрался наверх.

Фонарь желтоватой полоской света вырвал у темноты часть пространства, и в направленном луче блеснули глаза какой-то твари. Под сердцем Хорька похолодело, когда, присмотревшись, он разглядел существо. Крупный псевдоволк – смертельно опасный мутант даже для хорошо вооруженного сталкера. Зверь всегда атаковал стремительно, и ходоки зачастую не успевали отреагировать на угрозу. А сразу за вожаком маячили острые морды псов. Это гораздо хуже...

– Они здесь! – закричал Хорёк, но его слова заглушили выстрелы дробовика.

Многочарядник «анархиста» изрыгнул волну огня, и голова выскочившей к трактору собаки разлетелась кровавыми ошметками. Второй выстрел оказался результативнее. Сразу несколько мутантов отбросило назад.

Отчего-то диких псов сталкерская сеть поставила в один ряд с крысакami, но автор такого анализа глубоко ошибся. Мутировавшие в Зоне звери приобрели возможность чувствовать жертву, или, как говорил Болотник, – видеть страх. Эти твари не обращали внимания на время суток, погоду, видимость – Зона подарила им уникальные слух и обоняние. А ещё они обладали поразительной живучестью, умея в кратчайшие сроки регенерировать поврежденные ткани. И все дополнялось силой внушения обладающего телепатией псевдоволка, управляющего стаей. А сейчас, получив порцию дробы, псы даже с перебитыми лапами упорно ползли к трактору, лязгая перекошенными от боли и ярости челюстями. Их уродливые морды то и дело появлялись в свете фонаря Хорька, и тут же следовал выстрел напарника.

Сталкер попытался вспомнить, скольких мутантов он уже отправил на тот свет, но сбился со счёта. Больше двух десятков – это точно.

Внезапно дробовик смолк, и Хорёк, не выдержав заминки, прыгнул вниз, чтобы посмотреть, что случилось. Игл всё так же сидел, привалившись к покорёженному днищу. Глаза его блестели, а губы то и дело что-то нашептывали.

– Ты чего? – Хорёк коснулся рукой плеча напарника.

– Патронов больше нет... – прошептал обреченно тот и потряс перед лицом сталкера бесполезным помповиком.

– А пистолет?

– Потерял, пока бежали...

Хорёк потянулся к бедру, но тут же опомнился – у него тоже не было пистолета. Он его просто не взял в этот рейд.

– Всё пропало... – обречённо проговорил «анархист» и опустил руки.

Это прозвучало для Хорька как приговор.

Никогда Игл – ветеран из группировки «Анархия» – не бросался такими словами напрасно. Наоборот, однажды даже рассказал Хорьку притчу о сталкере, который не боялся смерти. Но смельчак остался в прошлом, сгинул, и никто, кроме Игла и ещё некоторых старожилов, не знал о нем ничего. Игл не раз убеждал напарника, что тоже не боится смерти, но идти ей навстречу не спешит.

– Если сталкер убегает, он не трус, а умный и расчетливый человек, – рассуждал «анархист». – А если не убегает, то либо дурак, либо выхода у него нет, во что я не верю. Выход есть всегда!

И вот теперь тот, кто учил Хорька оценивать любую ситуацию хладнокровно и непредвзято, стрелять редко, но точно в цель, и никогда не выпускать из рук болт, сидел раненый посреди Пустыря, заявляя, что они обречены.

– Должен быть хоть какой-нибудь выход... – начал Хорёк, но не договорил.

Огромный пёс сбил его с ног и повалил в траву, проскочив дальше. Перекатившись, сталкер полоснул очередью по спине разворачивающегося мутанта и, переведя автомат в режим одиночной стрельбы, устроился рядом с напарником.

– Посылай запрос, – прошептал Игл. – Напиши, что требуется помощь. Надеюсь, поблизости хоть кто-то есть.

Хорёк передал напарнику автомат, а сам принялся набирать текст на экране КПК. Нажав на кнопку «Отправить», он несколько секунд вглядывался в изображённую карту Зоны. Если кто-нибудь из сталкеров откликнулся на призыв о помощи, загорался синий маячок. Теперь же карта пустовала, словно никого, кроме двух загнанных зверями ходоков, в Зоне вообще не было.

– Бесполезно... – наконец проговорил Хорёк.

Он взял автомат из рук Игла и ещё раз выстрелил в темноту, где мелькали силуэты псов. Результата, конечно, не добился, но иллюзия контроля над ситуацией грела душу.

* * *

Двое мародёров следили с гребня холма за схваткой, разворачивающейся у трактора. Сверху открывался прекрасный вид на треть всего Пустыря.

Штопор не случайно выбрал это место для наблюдательного пункта. Во-первых, деревья, растущие по склону, полностью скрывали обзор тем, кто решил бы стрелять снизу. Во-вторых, он обнаружил здесь лаз в коллектор с какими-то инженерными коммуникациями. Идеальный путь для отступления, в случае чего. Штопор даже выкроил денёк, чтобы обследовать подземку, и был немало удивлён, что другой выход расположен недалеко от их базы на том же Пустыре.

Это могло помочь, когда потребовалось бы скрытно перебросить подкрепление в лагерь или же наоборот – незаметно оттуда сбежать. Штопор соорудил на облюбованной высоте своего рода укрепленную точку, обнёс вокруг растяжками и вырыл по периметру окопы с полуметровым бруствером – на случай атаки мутантов. Холм стал ему на время домом, и бывший «пепловец» мог назвать его если не крепостью, то уж редутот точно.

После ухода из «Пепла» сталкер волей случая попал в компанию бандитов. Влад Апостол предлагал ему возглавить целый отряд мародёров, базовым лагерем которого стала бы эта высота. Но Штопор не согласился. Он всегда считал себя волком-одиночкой, а постоянная болтовня раздражала его куда больше, чем мутанты или аномалии. И теперь по личной инициативе ветеран с молодым, но не испорченным до конца напарником почти безвылазно находились в месте, где пересекалась не одна сталкерская или звериная тропа. Случалось, что уж греха таить, что наводили они на проскочивших мимо ходоков мародеров. Но чаще предупреждали базу об опасности при гоне мутантов или военных зачистках. Словом, внимательно следили за окрестностями и собирали нужную информацию.

– Во попали, чебуреки! – сочувственно заметил Штопор, глядя через бинокль ночного видения.

Юрка Тарас затаился и выпустил облачко дыма.

– И шо будем делать?

– Подождём, – Штопор пожал плечами.

– А чё ждать? Гасить надо!

Юрик – типичный пример человека с острой интеллектуальной недостаточностью. Именно такими сталкеры и представляли всех мародёров. Вдобавок к скудости ума Юрик, всю сознательную жизнь проведший в уральском Кунгуре, внезапно решил, что он – украинец, и стал «шокать» и «чокать». От такого псевдосуржика настоящие украинцы шарахались и крутили пальцем у виска. Зачем это было нужно Тарасу – не знал даже напарник.

Штопор поморщился. Он изначально считал себя интеллигентным человеком, служил ранее офицером, а теперь вынужденно работал в команде с недоумком... И то лишь потому, что никого лучше в напарники выбрать не мог.

– Ты уверен? – ветеран прищурился.

– А то! Ща мы их перегасим и весь хабар заберём.

– Хабар? – ироничная улыбка озарила лицо сталкера. – А ты видишь у них рюкзаки, набитые артефактами, или, может быть, сверхточную оптику для винтовок?

– Нет... – сконфузился Тарас.

– Вот и я не вижу! Так зачем погибать из-за старого автомата, у которого вот-вот перекинит затвор, и изношенного дробовика, который и за сотню никто не купит?

Юрик почесал затылок и глубокомысленно изрёк:

– Ну, ты, блин, философ.

– Было дело, – Штопор опустил бинокль и вдруг принял неожиданное решение: – Прикрой меня!

– А! – Тарас восторженно вскинул руки вверх. – Увидел хабар, да?!

– Нет, – напарник сокрушенно цыкнул языком. – Просто надо мужиков вытаскивать...

Юрик оценивающе поглядел на старшего. Вероятнее всего, подумал, что тот спятил.

– Да ты чё? Эти удода же не наши!

– Не твои, – сухо согласился Штопор. – А я всё ещё человек и не имею права не помочь людям отбиться от зверья!

Тарас несколько секунд, не мигая, переваривал услышанное, после чего перевёл взгляд на происходящую внизу схватку.

– Ну, раз так не терпится псинки понюхать, давай! – И залился звонким, но недолгим смехом. Видя в недовольстве сошедшиеся к переносице брови напарника, поспешно выпустил из рук сигарету, хлопнул старшего по плечу и согласился: – Иди, иди – я прикрою!

– То-то!

Штопор погрозил Юрику пальцем и перевалился через бруствер. Впрочем, жест был не столько близок к одобрению, сколько – к предостережению. И это добавило Тарасу решимости – прикрывать товарища бдительно, в противном случае он уже встречался со звонкой, крепкой затрепиной тяжелой ладони ветерана и повторять пройденный материал не желал. Сталкер перепрыгнул еще через небольшой парашет из мешков, аккуратно обошел растяжки и оказался на открытом пространстве. Внизу, изрыгая огненные всполохи, дважды хлопнул автомат, и всё стихло.

В два прыжка Штопор достиг подножья холма. Он знал эту местность как свои пять пальцев, поэтому не боялся вляпаться в какую-нибудь каверзную аномалию. Тут же впереди показались контуры собачьих тел, а прямо перед лицом лязгнула зубами одна из тварей. Сталкер отреагировал молниеносно. «Сайга» в его руках дёрнулась вправо, и пёс, снесенный прикладом, повалился на траву, жалобно заскулив. Тратить патроны без нужды Штопор не собирался. Поэтому тут же шагнул в сторону и с силой вдавил каблук сапога в горло поверженной твари. Ощутимо хрустнуло, зверь взвизгнул, дернулся и затих. Вся стая мгновенно обернулась, и в свете пристёгнутого к стволу «Сайги» фонаря блеснули глаза и оскал псевдоволка.

Около десятка выстрелов подряд вспороли темноту. Штопор в последний момент уклонился от взбешенного вожака и упал в зловонную воду. Это его и спасло, потому что на противоположной стороне лужи оказалась аномалия «огниво», принявшая в себя тело неосторожного мутанта. Псевдоволк понял, что его ожидает, ещё в полёте. Он рубанул воздух мощными лапами, пытаясь изменить направление, но аномалия разверзлась, с треском поедая скудную шерсть и подбираясь к покрытой язвами плоти.

Штопор не раз видел, как попадают в «огниво» и погибают, не успев ничего осознать. Поэтому содрогнулся, замерев ненадолго на месте. Страшное зрелище...

Мутант с визгом приземлился на все четыре лапы прямо в центре аномалии и тут же исчез в ярком багровом пламени. Мгновение, и взметнувшийся огонь начал опадать, оставляя на выжженной земле груды распадающегося в стороны пепла.

Лишившись вожака, собаки засуетились, не зная, что предпринять. А после нескольких выстрелов со стороны трактора начали бесцельно носиться кругами. Нашупав на дне лужи карабин, сталкер вскочил на ноги, и, не целясь, разрядил в стаю остаток магазина. Как только прозвучал последний выстрел, извлёк из-за пояса пистолет Макарова и принялся стрелять по удаляющимся псам уже из него. Рыжая, облезлая сучка дёрнулась и, припадая на заднюю лапу, скрылась в темноте. Оставшаяся поблизости четверка, повизгивая, поспешила вслед за ней.

Штопор оценил итоги схватки и присвистнул. Таких крупных собачьих стай он не видел с июля прошлого года, когда нарвался на них у окраины Чашобы. Он прекрасно помнил, как билось сердце, когда бешеные твари гнали его и трёх соклановцев, составляющих боевой квад, в сторону Энергопоста. Но тогда их было четверо, и на послание Кришны о помощи откликнулся десяток одиночек. В первую очередь поэтому сейчас бывалый сталкер не мог остаться в стороне, отдавая тем самым долг всем бродягам Зоны.

– Живы, парни?! – выкрикнул он как можно веселее.

Несколько секунд никто не откликнулся, после чего в темноте раздался шелчок, и желтый луч осветил двоих незнакомцев. Один сидел, привалившись к перевёрнутому трактору. Второй стоял рядом, держа фонарь над головой.

– Живы?

– Ага... – человек покрутил фонарём.

– Ну, слава богу! Я уж думал, всё...

– Мы тоже так думали, – сталкер поднял автомат, оставшийся без магазина. – Только последний патрон выпустил...

Штопор тем временем подошел ближе и окинул взглядом сидящего. Тот был серьезно ранен. По крайней мере, при беглом осмотре точно нуждался в немедленной остановке кровотечения.

– У него сердце крепкое? – уточнил ветеран.

– Чего? – не понял стоящий.

– Сердце, спрашиваю, у него крепкое? Тут псевдоволк в «огниво» залетел, и артефакт выпал – «серп». Твоего друга может быстро подлечить, но сердце садит, зараза... Так крепкое оно у него?

– Он не жаловался... – растерянно проговорил Хорёк.

– Тогда рискнём.

Штопор на мгновение скрылся в темноте, после чего вынырнул из мрака, словно бестелесный призрак, держа в руке яркий предмет, напоминающий куриный окорочок. Вот только этот «окорочок» пульсировал и светился.

– Приладь ему на грудь, – он всучил Хорьку артефакт, а сам принялся оглядываться по сторонам.

– Боишься чего-то еще? – заволновался суеящийся рядом с Иглом сталкер.

– Боюсь, что кто-нибудь выстрелит на свет и продырявит твоего друга... – авторитетно заявил Штопор и бросил косой взгляд в сторону дальнего холма, откуда раздавался протяжный вой какого-то мутанта.

В темноте он, конечно, кроме очертаний чёрного массива косогора и серого ночного неба, ничего разглядеть не мог. Честно говоря, больше боялся, что сдадут нервы у Тараса, и тот сдуру выстрелит на свет. Но боялся он зря. Тарас уже шел к ним, запинаясь о кочки и посылая куда подальше всю местную живность. Он нисколько не скрывался.

– Как мы их! А? Шоб они все так...

– Неплохо. Но я твоего оптимизма не разделяю, – прошептал Штопор, когда напарник поравнялся с ним.

– Не понял...

– А чего тут непонятного? Обычная стычка, каких в день может произойти с десятком.

– Это у тебя может. А я за свою жизнь ни разу так не пугался.

Штопор усмехнулся.

– Прикрой нас, пока он не оклемался.

Тарас кивнул и опустился на колено за стволом клёна. Он оказался более исполнительным, чем предполагал Штопор изначально, и бывалый боец даже начал подумывать о том, что напарник не так уж и плох. Если его подучить, вполне сможет надежно прикрывать спину. Но именно в этот момент невдалеке что-то мелькнуло, словно по высокой траве прошелся поток воздуха. Штопор не успел ничего понять, а вот Юрик понял и сразу выпустил длинную очередь. Дернулась серая тень, напоминающая человеческую, и всё стихло.

– Гля, мимикрим! – с восторгом заметил мародер, подмигнув удивлённому Штопору. – Я его не шибко зацепил, но отпугнул знатно!

Удивление сменилось яростью. Сталкер подбежал к напарнику и схватил того за грудки.

– Отпугнул?!

– А шо я?.. – попытался оправдаться Тарас, но Штопор лишь сплюнул.

Мародёр часто закивал.

– А вот ни хрена ты его не отпугнул, лишь зря потратил патроны! – Штопор развернул Юрика лицом к полю. – Это был дозорный, а остальные...

В траве к этому времени замелькали новые фигуры.

– Какие остальные? – не понял поначалу Тарас, но уже торопливо вставлял в пистолет-пулемет новый магазин. – Понял, понял! – выкрикнул он, заметив новых врагов.

– Балбес! – Штопор убрал ПМ в кобуру и перезарядил «Сайгу». – Готовься! Сейчас попрут. Все готовьтесь!

Он был прав. Со стороны поля послышался утробный рык, и несколько упырей показались в свете фонаря Хорька. Штопор тут же начал стрелять, посылая в морду каждого мутанта веер картечи.

Мимикримы один за другим ушли в тень, словно сбитые мишени в тире, а через какое-то время вновь явились из ночной мглы, с удвоенной яростью принявшись носиться и сужать круги.

Наконец магазин опустел, Штопор принялся отбиваться от мутантов прикладом. Тарас тем временем вскинул СВУ и несколько раз, стараясь целиться точнее, отбрасывал выстрелами подбирающихся сбоку тварей.

– Я выведу их на себя. Бейте им в спины! – Штопор кинул Хорьку карабин и запасной магазин, а сам с ПМом метнулся к аномалии, в которую так неосторожно влетел псевдоволк.

Сзади слышалось хриплое дыхание мутантов, но останавливаться времени не было. Ну же, давайте...

Наконец знакомо заухал карабин, прошивая увязавшихся за сталкером упырей. Мимикримы ринулись врассыпную и спустя мгновение исчезли. Но не испугались людей с оружием, что-то вдруг заставило их отбежать подальше, перегруппироваться и дожидаться следующей атаки.

Штопор выставил перед собой пистолет и осмотрелся. Всё стихло. Ветер колыхал поднимающуюся до пояса траву, а сгорбленные фигуры монстров пропали. Сталкер несколько раз глубоко вздохнул, восстанавливая дыхание, и поспешил к остальным. Ещё на подходе заметил двух изрешечённых картечью и пулями мимикримов. Негусто. Он ожидал, что настреляет больше. Да ведь и собаки сегодня ушли почти в полном составе. Без добычи. Не чудно?

– Все живы?! – ветеран внимательно оглядел сталкеров. Он не ждал ответа на вопрос. Скорее сделал это, чтобы слышать собственный напуганный голос. – Хорошо. Оружие верни.

Хорёк протянул ему «Сайгу». Приняв карабин, Штопор придирчиво осмотрел его и перекинул ремень через плечо. Теперь его внимание переключилось на Игла. Артефакт сделал своё дело – рваные раны сталкера успели затянуться. Спаситель взял «серп», повертел его в руках, с минуту разглядывал золотистые переливы ценного предмета, после чего зашвырнул его обратно в аномалию.

– Время разбрасывать камни, – прошептал он, понимая, что уже принял решение.

На лице Тараса застыла гримаса непонимания.

– Ты шо сделал? Знаешь, сколько он стоит?!

Сталкер лишь усмехнулся, глядя на напарника.

– После использования «серп» не восстанавливает свои свойства, а через время становится обычным камнем, за который ты не выручишь ни копейки.

Мародёр слушал напарника с открытым ртом, словно тот рассказывал ему, что такое истина и откуда произошла вселенная.

– Ну, ты, блин, философ... – повторил Тарас недавнюю реплику. – А я уже хотел за ним сигануть.

Штопор кисло улыбнулся и повернулся к спасённым.

– Так что будем делать? – проговорил он.

– Мы пойдём к старому комплексу, – отозвался оживший Игл. – Там у нас есть схрон с боеприпасами.

– В таком случае мы вас проводим. Ночью опасно шляться по Зоне без оружия.

«Анархист» согласился. Ему не очень-то нравилось ходить по Пустырю в компании незнакомцев и показывать им собственные «нычки», но беззащитность нравилась ещё меньше.

– Что ж, пошли, – Игл с трудом поднялся на еще подкашивающиеся ноги и, положив на плечо бесполезный дробовик, шагнул в нужную сторону. – И это... Спасибо вам, мужики, за помощь. Век должны будем. Редко сейчас встретишь такую самоотверженность.

– Я в «Пепле» воспитывался. По заповедям генерала Ерёмина, – хмыкнул Штопор, с иронией разглядывая экипировку некогда ненавистной «Анархии».

На его удивление Игл даже не напрягся, а лишь парировал со смешком:

– Мы будем ходить строем и коммунизм построим... У всех в этой жизни своя правда, и каждый, наверное, прав по-своему. Но главный постулат ты исполнил только что – не дать умереть другим. И за это тебе мало одних слов благодарности. За такие вещи памятник при жизни поставить нужно! В назидание многим...

– Брось, – теперь уже Штопора прорвало, – не думаю, что ты не поступил бы так же. Во имя той же правды. Человек не должен быть человеку волком.

– Душевная это вещь, как его... доброта! – поддакнул внезапно Тарас. – А я так – за компанию. Чтобы всем хорошо...

* * *

Что такое схрон в Зоне? Часто для сталкеров это последний шанс выжить. Если не пожалеть и спрятать в электрощите на старом блокпосту или под ржавым трактором у забора пару магазинов с патронами, то можно потом, не таская с собой лишней тяжести, использовать их, когда очень припечет.

Случалось, мародёры перехватывали сталкера, когда он шел с хабаром к Рубежу, и предлагали отдать всё в обмен на жизнь. Что тому оставалось делать? Особенно в ситуации, когда почти в упор с разных сторон немигающими глазами смотрели вороненные стволы... Автомат и пара артефактов не стоили того, чтобы ради них уходить в мир иной. А когда мародёры удалялись, забрав оружие с рюкзаком, бродяга оставался посреди Зоны практически без защиты. И вот тогда его спокойно мог выручить из беды им же сделанный неподалеку схрон. Словом, значка для сталкера, как ядерный потенциал для сверхдержавы, – без нее никак.

Хорёк извлёк из тайника по два АКС и пистолета Макарова, передал один комплект Иглу.

– Хороший ящик, – заметил Тарас и постучал стволом винтовки по металлическому коробу, умело скрытому под слоем дёрна. – Как додумался?

Сталкер не ответил.

– А я один раз вот такой же тайник нашел около Могильника, ну, где дерево такое прикольное. Так вот там ничего не было. Только крестик такой, какой сектанты носят, с богом распятым.

– Это означает, что хозяин схрона погиб в Зоне, и его друзья в память о павшем товарище не заняли его тайник своим скарбом. Ты крест не трогал?

– А нафига он мне? – удивился мародёр.

– Просто если бы ты его забрал, сталкеры посчитали бы это беспределом, и тогда хана...

– Ну, я же не дурак, – Тарас провёл ладонью по выбившимся из-под капюшона волосам. Он присел около ящика и принялся разглядывать содержимое.

Справа от еще одного «калаша», обёрнутого промасленными тряпками и целлофаном, лежала коробка с бронебойными патронами для какого-то неизвестного оружия, несколько бутылок водки и десяток спецпайков с саморазогревом. Туда же поместились оставшийся без патронов дробовик Игла и старый автомат Хорька.

– Солидно, – наконец подвёл итог мародёр. – Хорошо устроились. У Штопора тоже такой тайничок есть. Он там кучу всякого барахла держит. Даже костюм старый «пепловский». И

нафига ему это старье?.. – Штопор хлопнул напарника по плечу, останавливая на полуслове. – Понял, понял! – Тарас поднял обе руки в примирительном жесте. – Уже молчу.

– Мы это... – Игл облегченно вздохнул и открыто посмотрел в глаза спасителям. – Мы тайник перепрятывать не будем. Все же должники перед вами за подмогу... Если вдруг сильно приспичит, можете, мужики, им пользоваться тоже. Только не забывайте иногда пополнять, ладно?

– Обязательно! – Штопор полностью согласился с решением «анархиста». – Спасибо за доверие.

* * *

Ночь темнее всего перед рассветом. Заметивший это первым оказался чертовски прав. За пару часов до того, как забрезжил восход, ночь пуще прежнего вычернила Зону, и сталкеров окружил густой, почти осязаемый мрак.

Штопор, содрогнувшись, вспомнил, что такая тьма обволокла его, бредущего по сырým катакомбам под Маяком. Впервые в подземелья его занесла нелёгкая шесть лет назад, ранней весной, когда талые воды от Рубежа ручьями лились в тоннели, и бетонные стены покрылись конденсатом. Он шел в одиночку, вода перед собой лучом фонаря, пытаясь найти проход к загадочным полям артефактов.

После двух часов безуспешного блуждания впотымах сталкер понял, что ничем хорошим его рейд не кончится. А ещё через час затея и вовсе была признана провальной. Там, где должен находиться проход, заботливо прочерченный на карте торговцем, простиралась... вода. Круто уводящий вниз коридор обрывался у его ног грязной жижей, и как ни светил одинокий ходок в темноту, сколько ни бросал болты, краев ей видно не было.

В довершение всего Штопор поскользнулся, рухнул в воду, поехал по дну тоннеля под уклон, судорожно пытаясь вынырнуть. Автомат и тяжеленный рюкзак тянули вниз, словно к ногам привязали пудовую гирию. Хотя, наверное, снаряжение весило куда как больше. Захлебываясь, он принялся растёгивать лямки рюкзака и тщетно пытался снять разгрузочный жилет.

Перед отправкой Штопор специально попрыгал, подтянул ремни и закрепил сидор, чтобы тот ни в коем случае не болтался и крепко охватил спину. Ему рассказывали, что были случаи, когда аномалии срывали со сталкеров рюкзаки. Но Штопору это не грозило. Забитый под завязку баул он примотал на совесть, да и болтов с собой набрал столько, что хватило бы на десять сталкеров-новичков.

Когда рюкзак всё-таки удалось стянуть и покорился жилет разгрузки, дошло дело до верного «калаша». Автомат и впрямь был хорошим. Пришлось до седьмого пота и срыва нервов поторговаться за него, прежде чем ушлый Харитон сбавил цену. Именно на автомат ушла половина всех денег, которые Штопор привёз с собой в Зону. Но делать нечего. Оружие отправилось вслед за жилетом, и сталкер выплыл на поверхность. Но радоваться было рано.

В мутной воде рюкзак сделал последний вираж, и лямка намертво затянулась вокруг щиколотки. Сталкер охнул, выпуская драгоценные пузырьки воздуха, и снова пошел ко дну. Мог погибнуть по собственной глупости, но выжил. Спас нож, который всё тот же Харитон обменял на новенький фотоаппарат, объяснив, что фотографировать новичку в Зоне будет некогда. И верно. Лезвие вспороло лямку, и рюкзак навсегда погрузился в грязную воду.

Нож тоже пришлось бросить, но не из-за его веса. Просто кислород внезапно закончился, и Штопор, забыв об оружии, инстинктивно потянулся руками вверх – к спасительному воздуху.

Только вынырнув, сталкер осознал весь ужас ситуации. Он оказался неведомо где, без автомата, ножа и продовольствия, унесённого в бездну вместе с рюкзаком. При Штопоре остался лишь КПК, который, благодаря влагонепроницаемому чехлу, сохранился невредимым. Фонарь тоже утонул...

Выставив перед собой скудно святящий мини-компьютер, Штопор пошёл в обратном направлении. Зубы стучали от холода. Промокшая одежда потяжелела как минимум вдвое, и теперь каждый шаг давался с трудом. Все силы ушли на освобождение от рюкзака.

В темноте споткнулся о ржавый обломок трубы, чертыхнулся, хотел было продолжить путь, но всё же подобрал увесистую железяку, взял с собой в качестве хоть какого-то оружия.

Одно грело душу – в Зоне редко садятся батарейки, и, следовательно, смартфон будет светить долго, а если рядом энергетическая аномалия – вечно...

Вечность длилась три минуты, пока в полутёмном коридоре сталкер не запнулся о торчащую из пола арматуру. КПК, не рассчитанный на сильные удары о бетон, разлетелся на части. Последнее освещение пропало.

Штопор не раз вспоминал те пять часов, что провёл в кромешной темноте, высекая искры при помощи ударов трубы о стены. Вот и сейчас мгла навалилась на него словно там, в несчастном тоннеле. Будто он захлёбывался на глубине нескольких метров, а сзади тянул в бездну рюкзак. Да и он ли тогда пытался утопить ходока или нечто ужасное, обитающее в мутной воде?

А как Штопор готов был кричать от радости, когда, обессиленный, отпер дверь подземелья и по глазам резанул яркий солнечный свет! Теперь же, увидев во тьме слабый проблеск, сталкер напрягся.

– Гасите фонари, – приказал он, и четыре луча пропали один за другим.

Впереди, у самой дороги, горел костёр, возле которого маячило несколько фигур. Ночью, посреди Пустыря могли беззаботно сидеть у огня лишь потенциальные покойники. Когда часом ранее сталкеры включили фонари, Штопор был уверен, что никто на их пути не встретится, а значит, не выстрелит на свет. И тут такое...

– Юрка, – сталкер протянул напарнику бинокль ночного видения, – как думаешь, кто это?

Бандит с минуту разглядывал силуэты, потом авторитетно заявил:

– Группа Стёпки Барабаса, кореша моего.

Сталкеры переглянулись.

– Мародёры там, – озвучил общую мысль Штопор, – фонари мы потушили вовремя. Теперь надо как-то их обойти. По обе стороны от тропы аномалии густо стоят. Мне кажется, они специально тут разместились, чтобы идущих мимо сталкеров обирать. Другой дороги ночью может и не быть.

– Тогда нужно потихоньку продвигаться кустами, проверять аномалии... Вдруг не заметят? – предложил опытный Игл.

– У нас нет на это времени! – яростно зашептал Штопор. – Мимикримы близко, я их по запаху чую.

Иглу стало не по себе. Теперь и он различил в ночном воздухе специфический сладковатый мускусный запах, что могло значить лишь одно – семейство монстров не выпускало их из виду, но пока не решалось снова нападать.

– Может, к пацанам пойдём? – Тарас кивнул в сторону бандитов.

– Они хуже мимикримов, – отозвался Штопор.

– Да ладно тебе. Барабас – мой кореш, прикроет, если чё, – не дожидаясь ответа, бестолковый мародёр поднялся в полный рост, держа винтовку на сгибе локтя, и прокричал в темноту: – Стёпка, здорово!

Ему ответило несколько автоматов и пистолетов. Тело Тараса дёрнулось, бандит осел на землю рядом с Хорьком. Комбинезон на груди и плечах оказался изодран пулями.

– Пацан, бери его снайперку и дуй к укрытию, – Штопор указал Хорьку на перевернутый «Зил», ржавая туша которого чернела метрах в двухстах правее, – и осторожно – там «огниво» рядом.

Сталкер, послушно схватив СВУ корчащегося на траве Тараса и пригибаясь, побежал к грузовику. Над его головой засвистели пули. Наконец, Хорёк залёг под остовом машины. Оттуда он отлично видел костёр и суетящихся вокруг бандитов. Их было много. Восемь или девять, и это только те, которых удалось разглядеть. Хорёк непонимающе пожал плечами и поглядел в сторону Штопора. Тот ответил жестом, который означал «лежи и не высывайся». Так Хорёк и поступил. Он лишь успел заметить, как Штопор, что-то сказав раненому напарнику, поднялся в полный рост и выстрелил.

Одиночная вспышка озарила склон, и один из мародёров рухнул в костёр с простреленной головой. Там, где только что светило яркое пламя, теперь чадили угли и слышались вопли...

– Уходим отсюда, – Штопор хлопнул Игла по плечу, – теперь этими ребятами займутся мимикримы. Монстры жареное мясо любят.

«Анархист» кивнул.

– А с этим что? Он долго не протянет.

Оба поглядели на раненого Тараса. Изрепечённый бандит корчился на траве в метре от Штопора, недоуменно повторяя:

– Он же кореш. Кореш мой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.